

РАЯ & ААД

ПОВЕСТЬ

Часть I. МЕДЛЕННОЕ ХАРАКИРИ ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА

(письменные показания Первого брачного свидетеля)

1

В лагере для беженцев она значилась как вдова украинского оппозиционера. Детальней версия звучала так: *вдова украинского оппозиционера, зверски растерзанного верными приспешниками антидемократического режима.*

Между Киевом – и этим нидерландским лагерем рядом с деревней Маасланд – тайной занозой саднила её память Великая Британия, которая была явлена ей, месяц назад, в виде такого же лагеря, только значительно меньше и грязней, – Великая Британия, где зацепиться ей так и не удалось. А ведь родители продали последнее, залезли пожизненно в долги, чтобы выпихнуть её, старшую из трёх дочерей, в Европу. Теперь надо было драться насмерть.

Сложность состояла не в том, что она прибыла в лагерь девственницей. Люди, бравшие у неё *интервью* (то есть допрашивавшие её с переводчиком и заполнявшие какие-то бумаги), как ни странно, не стали требовать никаких дополнительных доказательств имевшего место брака, то есть остались вполне удовлетворены документом, купленным её мамашей на Подоле. И, судя по всему, запрашивающие вряд ли собирались сопоставлять юридическую мощь этой бумаги с результатами, скажем так, деликатного медицинского обследования «молодой вдовы». (А ведь она именно этого, то есть «обследования», больше всего и ужасалась. Потому что в лагере не прекращались упорные слухи, что *такие дела, конечно же, проверяют.* Например: назвался гомиком – так побудь *гномиком, постой домиком. Продемонстрируй*, стало быть, – ну и так далее.)

Однако же неувязка заключалась не только в том, что она, объявив себя безутешной вдовой, являлась анатомически безупречной девственницей. В конце концов, при желании, можно было бы (ссылаясь на исторические, а также доисторические источники) напомнить «проверяющим» лицам, что человечество знало сколько угодно платонических браков – которые были таковыми из принципа, из вредности характеров, из социального эпатажа, из особенностей артистического имиджа – или по немочи одного из супругов. Да что далеко ходить! – а родители Иисуса Иосифовича?

На случай страшной проверки в заглавнике был припасен и другой изворот: можно было бы загодя разделаться с этой уликой (в смысле: с досадным анатомическим рудиментом) собственноручно – как это делают (она вычитала это из женского журнала) в некоторых полинезийских, что ли, племенах.

Но неувязка заключалась, повторяем, не только в этом. Тем более, что и длилась она недолго: на третью же лагерную ночь сложенно действующая четвёрка марокканцев – этот телесный дефект ей живёхонько устранила. Без гамлетовских коле-

баний со своей стороны – и, главное, без заблаговременного оповещения стороны противоположной. Делов-то. То есть четверо верных друзей привели, наконец, её гендерную оснастку в полное соответствие с возрастным стандартом.

Вдова политического оппозиционера, она проплакала потом месяца полтора: венерические хворобы или залёт – это было бы в её положении полной катастрофой. Однако – судьба помиловала.

Далее. Закавыка усугублялась даже не тем, что она, двадцатидвухлетняя ширококостная деваха, напрочь не обнаруживала в своём поведении неуловимых, но одновременно неоспоримых черт, которые с головой выдают заматерелую тётку, вдосталь хлебанувшую матримониального счастья.

Главная сложность состояла в ином. Конкретная (то есть политическая) мотивация бегства, выбранная ею вместе с родителями – так любовно, продуманно, взвешенно и, как им всем казалось, так дальновидно, – данная мотивация к этому времени перестала работать. Железная занавесочка – стыдливо, но непреклонно – опустилась в одностороннем порядке. Лагерным мытарям (из коллапсировавших в одночасье царств-государств Восточной Европы), уповавшим на безотказно действовавшую до того магическую статью, всё чаще стали говорить: *ваша страна уверенно движется по пути построения демократического, правового, экономического и культурно развитого общества*. Так что, типа того, срочно езжайте назад, дабы, в полном объёме, насладиться такими достижениями вашего социума, какие нашему не видывались даже и в психоделических грёзах.

В итоге иммиграционная процедура закончилась для неё отказом, и она оказалась – ну да, на улице.

2

В том же регионе, относительно недалеко от лагеря, а именно: в индустриальном, денно и ночью грохочущем городе-порте – ей удалось обнаружить необычную протестантскую кирху. Означенный *Domus Dei* (занимаясь, главным образом, виноторговыми операциями с одной из стран беспокойной Колхиды) предоставляла временный приют некоторым «ограниченным контингентам и отдельным группам лиц».

А именно: на первом этаже этой кирхи располагались местные наркоманы (не самые образцовые подданные королевы Беатрикс, но не оставленные, тем не менее, её неусыпной заботой – равно как и милостью дальновидно-лояльного общества), на втором – кантовались такие, как она, международные бродяжки – с негативно завершённой иммиграционной процедурой – и вполне естественным нежеланием умереть, будучи заключёнными в пенитенциарные и любые прочие объятия родины-мамы.

Жёстким условием постоя для непризнанных беженцев являлся их нежный, надёжный, регулярный уход за наркодоходягами – остроумно продуманный цикл безотходно-богоугодного, почти самокупаемого производства (с соответствующими дотациями от профессиональных партнёров). Однако главный («имплицитный») навар приносила руководству кирхи отлаженная спекуляция *нектарами кахетинских богов*.

О, этот *нектар* образовывал в акватории кирхи очень густую дельту, куда впадала: «Кахети», «Эрети», «Алазанская долина», «Цинандали», «Саперави», а также «Киндзмараули», «Напереули», «Ахашени», «Хванчкара», «Оджалеш», «Пиросмани»... Ничего не забыли?

Перспектив у Раи, получившей это странное прибежище, не было никаких. И не потому, что уют этого крова (где снова сшиблись лоб в лоб, нож в нож – непримиримо враждебные этносы, именно друг от друга-то и пустившиеся врассыпную с матери-родины), – не потому у Раи не было перспектив, что уют этого кро-

ва был куда менее зыбким, чем обетованное совместное благоденствие агнца и льва. Главная незадача состояла в том, что филантропическое предоставление крыши над головой являлось, по сути, аналогом укорачивания собачьего хвоста – в смысле: укорачивания по кусочкам – то есть лишь отдаляя, но не устраняя жуткий день депортации. Иногда призрачные постояльцы второго этажа, нарушая заведенный ход событий, присоединялись к потусторонним постояльцам первого – и где-то, в альтернативной инобытийности, заедино склеивали коньки от мило-сердной overdose.

Для тех, кто ещё цеплялся за жизнь, не оставалось ничего, кроме чуда.
В случае Раи оно сработало.

3

Она умела услужливо – как бы «лучезарно» – улыбаться. Раздольно, румяно, белозубо. И это умение (церковной администрации нравилось сияющее подтверждение её богоугодных дел) оказалось для смекалистой киевлянки индивидуальным билетиком в следующий круг забурного рая.

А именно: невестка пастора, включённая в семейный бизнес, взялась познакомиться её с молодым человеком, своим дальним родственником, который, произнося «О, Tolstoy!» – или «О, Dostoeffsky!», молитвенно закатывал глаза и словно бы впадал в транс.

Знакомство состоялось. Они, вдвоём, сидели в синих бархатных креслах за изящным буковым столиком, то есть находились именно с *правильной стороны* кафе «England» (на внешней стороне витрины которого значилось: «You are from the wrong side of the glass!»¹), и, почти не слыша небрежно-элегантного брэнчания белоснежного фортепьяно – джазового, обманчиво-разболтанного, мощно подхлестывающего адреналин, – довольно напряжённо цедили уже по четвёртой чашечке кофе.

Встреча завершилась с неравным счётом.

Рая влюбилась – по уши, адски, смертельно; Аад же, сравнив её поочерёдно с Наташей Ростовой, Настасьей Филипповной, Соней-проституткой и Соней-приживалкой (семьи Ростовых), – довольно-таки опечаленный несходством Раи ни с одним из притягательных образцов, – заключил: «Ты – хорошая, сильная, трудолюбивая девушка. Наша королева будет рада такой новой подданной. Я женюсь на тебе фиктивно».

4

В этом месте её биографии чётко просматривается точка *выбора*. (Ну, это для тех, кто в данную категорию верит.) Иными словами, с этой самой минуты оказался вполне возможным такой вариант её судьбы (схематично рисуем цепочку): формальный брак – легализация – натурализация – европейский паспорт – европейское образование – перспективная специальность – высокооплачиваемая должность – постоянное развитие всех способностей. А соблазненный обилием чар фиктивный муж (вариант: бывший фиктивный муж) – некая изюминка этой вынужденно-прагматичной цепочки – выполняет функции весьма нетривиального любовника. Этаким Жерар Депардьё из фильма «Les Valseuses».

Красивая картинка, правда? Нам кажется, да. Как сказал классик: *ветвь, полная цветов и листьев*.

Но...

Она выбрала иную ветвь.

¹ Вы находитесь не с той (с неправильной) стороны стекла (англ.).

Опять же – *она выбрала* – это для тех, кто в такие заклинания верит: свобода выбора, воли и т. д. На наш взгляд, иная ветвь выбрала её сама.

В период, предшествовавший подаче документов (на регистрацию злокачественного новообразования), жених продолжал жить по-прежнему. Тому доказательствами были (хотя он, собственно, ничего и не скрывал) оплывшие свечи в бутылках, полная раковина невымытой посуды (с явным преобладанием рюмок), книга «*Misdaad en straf*»² на диване, окурки на полу – и, на письменном столе, забытые (а то и оставленные на память) кружевные женские трусики.

Она же, благословенная и отчасти даже *непорочная невеста* (если принять во внимание аспект сугубо онтологический), продолжала пребывать в среде международных бомжей и местных наркоманов, а именно: в закутке два метра квадратных, принципиально не разговаривая с напарницей по койке – и бурно всхлипывая по ночам в грязноватую подушку. Почему всхлипывая? А как вам нравится этот антураж – этот, с позволения сказать, *пейзаж после битвы* – оплывшие свечи в бутылках, полная раковина невымытой посуды (с явным преобладанием рюмок) и, главное, – забытые (а то и оставленные на память) кружевные женские трусики?

И вот – звонки к маменьке в далёкий Киев, рыдания в трубку. А маменьке – нет бы напомнить дочери о фиктивной сущности её будущего брачного договора, нет бы поговорить о сияющих перспективах новой жизни на новой земле, нет бы сориентировать дочь по части образования и, кстати сказать, самоуважения – нет: красавица-мама, на свою и дочкину беду, выросла-вызрела под зловещей сенью литературы для народа, а в той изящной словесности образ женщины, жены из народа (с кем наша героиня должна была бы себя идентифицировать), – оказался надолго закреплённым в таковых картинках:

...«Красная от водки, езды и солнцепёка Дарья выскочила на крыльцо, обрушилась на бежавшую из стряпки Дуняшку:

– Где Петро?..

– Не видала.

– К попу надо бечь, а он, проклятый, запропал.

Петро, через меру хлебнувший водки, лежал на арбе, снятой с передка, и стол. Дарья вцепилась в него коршуном.

– Нажра-а-ался, идолюка! К попу надо бечь!.. Вставай!

– Пошла ты! Не признаю! Ты что за начальство? – резонно заметил тот, шаря по земле руками, сгребая в кучу куриный помёт и объедья соломы.

Дарья, плача, просунула два пальца, придавила болтавший несуразное язык, помогла облегчиться. Ошалелому от неожиданности, вылила Петру на голову цебарку колодезной воды, досуха вытерла подвернувшейся под руку попоной, проводила к попу».

Мораль сей басни, пересказанной мамашей *своими словами*, состояла не в том, что надо-де уметь пособлять жениху/мужу облегчаться (*во всех отношениях, ты меня поняла, доча?*), – оставаясь при том молодой, красивой, нарядной. Эссенциальный состав родительского назидания заключался совсем не в том – тем более, что нидерландский жених – мамаша представляла себе это слабо – вовсе не пил, притом не будучи даже зашитым. То есть если пил, то бишь пригублял – например, на всяких там корпоративных сабантуйчиках, – то уж всяко не на известный мамаше манер, а как именно – замучаешься объяснять. (Раиса и не объясняла.)

Соль мамашиного назидания состояла, однако, в следующем: дочь, посмотри на себя! Конечно, у мужика по всему дому кружевные трусики валяться будут! Вот ты утром и вечером регулярные пробежки вокруг парка делаешь?! Нет. У тебя ведь три килограмма лишнего веса!! А творог по утрам на лицо ложишь? Нет. И

² Преступление и наказание (*нидерл.*).

не забудь, что у тебя одна грудь больше другой – ты за бюстгальтером-то следишь? вату, где надо, подкладываешь?.. А что у тебя большая стопа – помнишь? Такая ножища – ой-ёй-ёй! – и с этим ничего уже не поделаться! Думаешь, мужчине приятно смотреть на такую ножищу от женщины? А уши? У тебя ж такие огромные уши, что боже мой! Полностью за своим папашкой взяла! Ты хоть волосами-то их прикрываешь? А массаж лица? А фруктово-ягодные маски? А брови не забываешь подправлять? А там – ты аккуратно броешь?.. А под мышечками, доча?.. А ноги?.. А спираль ты уже вставила – или хочешь у мужа своего на нервах играть?..

Ну и так далее.

И вот – дочь рьяно бросается воплощать в жизнь материнские заветы. А наивный жених, сознавая себя стопроцентно фиктивным (и потому – занебесный эльф! – даже не подозревая, какие на него расставляют силки), укладывает в чемодан «три килограмма презервативов» (констатация уязвлённой невесты) – и безоблачно отбывает в Италию на вакации.

Рая же, воспользовавшись *дополнительным временем*, просит, что называется, помощи Клуба.

Что это за Клуб?

5

Это *печально известная* – точнее, *пресловутая* самодеятельная организация жён, происходящих из *давших дуба* (точнее, *гигнувшихся*) царств-государств, скажем так, Варшавского пакта. Называется клуб «Русские Присоски».

Обидно, правда? Вот и каталонцам обидно, когда, например, эрзистезус, по старинке, зовут *каталонской болезнью*, хотя каждый каталонец, даже самый дебилный, с малолетства твёрдо знает, что болезнь эта итальянская или испанская, в крайнем случае – арабская.

Составляют этот клуб, в большинстве (тут квоты соблюдаются естественным путём), соответственно, российские жёны. Точнее: российские жёны заарканенных и стреноженных, главным образом, при помощи Интернет-Сети, забугорных мужей. Настаиваем: малопочётная роль сводника (в этом скрытом геноциде) принадлежит именно Международной Сети – на то она и сеть, чтобы ловить-заарканивать. А уж демоны плотского очарования, наповал разящие не клёванных жареным петухом западных разинь, а также магические сказания-былины about the enigmatic Slavic soul, доводящие указанный контингент до клинического слабоумия, доверяют дело.

Ну, «Русские Присоски» – это, конечно, неофициальное название Клуба. Официальными его наименованиями в разные года были: «Полёт», «Рапсодия», «Лунная соната», «Лебединая верность» (ну-ну!) – и какие-то ещё кондитерские расприкрасности из арсенала романтически романтизирующих домохозяек «с запросами». Филиалы этого клуба существуют в любом, даже самом заштатном, населённом пункте нашего «небесного тела». (Да уж! «Небесного»!)

У всякого клуба есть *девиз*. Есть он и у клуба «Русские Присоски».

Дамы, истерзавшие в хлам служащих брачных контор, искогтившие в кровь сайты брачных знакомств, измочалившие Интернет до дыр – дамы, с неустанным трудолюбием раздвигавшие ноги «в реале» – под каждым из выуженных Международной Сетью «женихов» – с любых, какие ни есть, континентов, – дамы, раздвигавшие под каждым из них свои ноги – с тем тупым, упрямым старанием, с каким неискренний отличник, вздохнув, раздвигает ножки циркуля, – эти дамы определили три минимальных предмета, без которых их блистательная международная деятельность стала бы абсолютно невозможной.

Названия этих священных предметов и стали девизом Клуба.

Звучит этот девиз так:

ЧЕМОДАН, ПИЗДА И ПАСПОРТ!

Оценим ритмически безупречную в своём изяществе комбинацию анапеста – с ямбической, а затем амфибрахической стопой (или двумя ямбическими полными и усечённой третьей), где трогательно-нарядное, парящее в воздухе женское окончание словно алчет поймать рифму («бастард»? «транспорт»?).

Однако же позволим себе искренне усомниться в необходимости первого и последнего составляющих этой драгоценной формулы (самой жизни!), где семантический акцент падает, конечно же, на её центральный, опорно-несущий член, а оба крайних (обрамляющих – мы бы даже сказали, факультативных) возникают, так сказать, *в процессе*.

Правда, в вопросе дешифровки данного девиза (хоть это и сфера специалистов геральдики, но позволим себе краткий любительский экскурс) – итак, в вопросе дешифровки данного девиза не исключён и другой подход. Возможно, здесь назван не сам краеугольный трёхчлен, необходимый для перехода из одного социального состояния в другое, но, как в письменах крайне скрытных ацтеков, закодирована инструкция (manual), а именно: *последовательность действий* в технологическом процессе (этого самого перехода).

Тогда эту инструкцию следует прочитывать так:

1. Взять в руки первый член формулы (чемодан).
2. Максимально активизировать второй член, придав ему коэффициент полезного действия, приближающийся к ста процентам.
3. Через три года можно запрашивать третий, «целевой» член формулы.

Флаг Клуба представляет собой шёлковое прямоугольное полотнище из двух равновеликих горизонтальных полос: верхней – поросячье-розового и нижней – белоснежно-белого цвета. Отношение ширины флага к его длине – два к трём.

Поросячье-розовый цвет символизирует непреходящий оптимизм, свежесть и бьющую фонтаном сексуальность.

Белоснежно-белый цвет символизирует нерушимое целомудрие тела, души и высоких помыслов.

В центральной части полотна, на границе цветов, сусальным золотом вышит *девиз* Клуба (см. выше). В самой верхней части полотнища, по горизонтали, вышиты три золотых фигуры. Это триединая HIRUDINA (по-русски говоря, пиявка) с эротической грацией изогнувшаяся в виде следующих символов:

£ \$ €

Помимо девиза и флага, в Клубе есть *ритуальное приветствие*. Завидев друг друга, дамы, т. е. члены Клуба, троекратно выкрикивают громовое: «ЖОНП! ЖОНП!! ЖОНП!!!» («Жизнелюбие! Оптимизм! Напор! Позитифф!») – и, указательными пальцами, с силой, растягивают в стороны углы своих всегда влажных, свеженапомаженных ротовых отверстий.

От этого ритуального приветствия и образовалось неформальное название его членов, а именно: ЖОНП'ы – или просто *жонпы*. Отдельно взятый член Клуба называется *жонпа*. (Было бы в корне ошибочным полагать, что здесь просматривается семантико-фонетическая коннотация с той частью тела, которая, придавая туловищу в положении сидя известную устойчивость, отвечает за написание больших объёмов прозы. Нет, нет и нет – это просто курьёзное совпадение.)

В этом Клубе есть, конечно, и свой *гимн*. Он имеет ритм походной строевой песни. У него громадное количество куплетов, охватывающих своим смыслом все более-менее важные (в стратегическом значении) повадки, привычки и психофизиологические особенности мужчин различных этнических групп, а припев там такой:

Стрено-жить мужи-ка!
При помощи трёх «ка»!

- Кюхе!
- Ать-два!
- Койка!!
- Ать-два!!
- Киндер!!!

В клуб «Русские Присоски» входит зоологический отряд дам, предшественниц которых мы не советуем иностранцам искать среди классических образцов классической русской литературы. Почему? Да просто потому, что этих дам там нет.

Описания этого зоологического отряда, тем более, нет в литературе для (про) донских казаков, казахов-стахановцев, акынов, слагающих песни о девочке Мамлакат Наханговой; нет их описания и в литературе для (про) холмогорских поморов, успешно наладивших массовый выпуск Платонов-Невтонов на собственной сырьевой базе, – и вообще: в обгорелых свитках-рукописях, принадлежащих к эпохе Полного Расцвета Гангрены, – описание этого зоотряда, конечно, отсутствует. Опять же: почему? Да потому, что эволюционно-исторически он ещё не сформировался, хотя базисные предпосылки уже, безусловно, имелись.

Два десятилетия назад эти предпосылки наконец созрели. Так что нынче жонпы, по-сестрински выручая, загрызая, лаская и подсиживая друг друга, проходят конкурсную отбраковку во всех точках нашего «небесного тела». (Охо-хо!..)

Их, в охотку, трахают франки, галлы, норманны, бургундцы;
их лениво пият англы, саксы, фризы, юты;
их всласть дерут алеманны, бавары, лангобарды;
их, словно самцов, барают готы и швабы;
их пылко пият каталонцы, галисийцы и баски;
их трудолюбиво долбят оски, умбры, пицены;
их, в очередь, гобзят ёты и свеи;
их злобно жарят батавы;
их задумчиво ставят на четыре кости ханьцы,
им небрежно бросают палку ачаны;
их печально трут лаху, наси, лису, чан;
их старательно дрючат пуми, дино, мэньба, ну;
их угрюмо пердолят чжуаны;
их, с песней, натягивают кхаси и маратхи;
их целенаправленно рвут монпа и раджпуты;
их умело штопают сефарды и ашкеназы;
их жадно употребляют дайцы и шуйцы;
их рассеянно факают маонани;
их грозно отхаривают дауры и баоань;
их без продыху шворят гэлао, ли, мяо, ва, ту;
их нон-стоп шмарят аканские народы;
их, в такт, тараканят дунгане, байи, народы туцзя;
их круглосуточно употребляют бушмены, берберы;
их, в два смычка, отделявают лемтуны, гараманты;
им, смеясь, задувают хэчжэ и гаошань;
их, между делом, имают нгони, хадза, хехе, хугу.

Ебомое мясо.

Бедное ебомое мясо.

Описание этого зоотряда вы вряд ли сможете обнаружить даже и в «постисторической» изящной словесности. Правда, отдельно взятые тени этой – гениталоголовой, прущей напролом протоплазмы – там всё же иногда колобродят-мелькают, но сам *уровень обобщения*, как бы это сказать... только сбивает читателей с толку. Единственное пространство литературы, где данная категория найдёт пол-

ное своё отражение, – это наша печальная повесть. А потому – оставайтесь с нами!

Систематика жонп (даётся впервые: 2008).

Семейства

Зоологический отряд жонп делится на *три семейства*:

1. Подкаблучные.
2. Подкаблучницы.
3. Выкаблучницы.

Роды

Каждое семейство включает в свой состав множество женских родов. Например, только *семейство подкаблучных* делится на следующие роды: бирюлёвские, скобские, бухаловские, попковские, подсосные, пьянковские, козюлинские, опухликовские, дрочеевские, задовские, сопляковские, лоховско-марюковские и т. д. Всего – несколько десятков тысяч наименований.

Виды

Рассмотрим деление на виды рода *жонпы бухаловские*. Здесь известно до сотен тысяч наименований. Например: бессяжковые, вилохвостые, зораперы, бубончиковые, ногохвостки, уховёртки – и т. д.

Рассмотрим деление на виды рода *жонпы дрочеевские*. Здесь насчитывается всего несколько десятков наименований: листоблошки, тляшки кровяные, тифии, пифии, пшикалки шипоногие, ларры анафемские – и т. д. NB! Это самый малочисленный из известных видов жонп.

Рассмотрим деление на виды рода *жонпы козюлинские*: долгоносики, трухлячки, скосарки, жужжалки, златки узкотелые, жужельки пчельные, мертвоедки – и т. д. Всего – несколько сотен наименований.

Рассмотрим деление на виды рода *жонпы подсосные*: хрущачки медовые, журчалки ручьёвые, хрилозодии, мокрецы. Всего – несколько тысяч наименований.

Подвиды

По определению известного энтомолога (лепидоптеролога) В. Н., вид есть совокупность (кишение) подвидов. Однако жонпы, как и человек, имеют, разумеется, единственный подвид: жонпа разумная (*zhonpa sapienta*). Да и кто бы взялся оспаривать этот научный факт?

Морфология жонп

Всего у каждой из жонп обнаруживается по две присоски: верхняя (головная) и нижняя (генитально-анальная). Обе расположены на брюшной (вентральной) стороне тела. Внутри верхней присоски находится ротовое отверстие. Оттого кажется, что жонпа, вцепившись в забугорную мужежертву, совершает отсосы именно этой присоской, но в действительности это не так: жонпа использует присоску исключительно для прикрепления, а все отсосы совершает ртом. В ротовой полости жонпы расположены 3 (три) челюсти с хитиновыми зубчиками, а по краям челюстей открываются протоки наркотических желёз. Их секреторная жидкость оказывает усыпляюще-эйфорическое воздействие на забугорную мужежертву. Внутренняя воронкообразная поверхность верхней присоски образует так называемую ротовую впадину.

В целом тело жонпы удлинённое, но не хлыстообразное. Головной конец сужен в сравнении с задним. Как и у большинства жонп, на спинной (дорзальной) стороне головного конца, по его краю, располагаются 5 (пять) пар глаз. Поверхность

тела жонпы не гладкая, а кольчатая: она иссечена поперечными бороздками, отделёнными друг от друга приблизительно равными промежутками.

Тело обыкновенной жонпы состоит из 102-х (ста двух) колец. Со спинной стороны указанные кольца покрыты множеством мелких сосочков. На брюшной стороне сосочков гораздо меньше – и они менее заметны.

На теле жонпы имеется большое количество отверстий. Вместе с ротовым их число составляет 38 (тридцать восемь). Заднепроходное отверстие жонпы, или порошица, находится на спинной стороне тела, близ генитально-анальной присоски. Два половых отверстия жонпы расположены на брюшной стороне тела, ближе к головному концу.

Наружные покровы жонпы носят название кожицы. Она состоит из одного слоя печатковидных клеток, формирующих особую ткань под названием эпидермис. Снаружи эпидермальным слоем покрыт прозрачной кутикулой. Она выполняет защитную функцию и непрерывно растёт, периодически обновляясь в процессе линьки.

Физиология жонп

Миграционно-копулятивный выход жонп зачастую носит массовый характер. При этом можно наблюдать роение этих организмов, во время которого происходит встреча полов. В этой ситуации жонпы даже «летают». Массовый «полёт» жонп состоит из однообразно повторяющихся движений. Быстро махая псевдокрыльями, которые выпростываются у них из присосок (и являются их придатками), жонпы чуть-чуть взмывают вверх, затем «таинственно» замирают и, благодаря большой поверхности упомянутых псевдокрыльев, кокетливо планируя, спускаются вниз – как правило, на навозные кучи. Такой «танец» совершают жонпы непосредственно в период размножения. Самец, забугорная мужежертва, подлетает к жонпе – и тут же, в воздухе, снизу, – прицепляет свои иностранные сперматофоры к её половым отверстиям. После спаривания мужежертвы в конвульсиях погибают, а жонпы откладывают яйца в их гнёзда. Встречаются также живородящие жонпы.

Жонпы обладают поразительной способностью к *регенерации*. Этим своим качеством они превосходят всех известных нам представителей современной фауны, включая любимицу Левенгука кишечно-полостную гидру. Жонпы способны восстанавливать свою девственность – по сути, бессчётное количество раз. Здесь речь не идёт о восстановлении самой *humer* (девственной плевы), что при текущем состоянии пластической хирургии – дело плёвое. Можно, по заказу клиента, установить хоть две или три плевры кряду. (Здесь напрашивается прямая аналогия с установкой бронированных, пуленепробиваемых дверей в помещения с бог весть каким тайным богатством... Аналогия во многом сомнительная...) Но, тем не менее, речь не идёт о косметологическом вмешательстве в область промежности и паховых складок.

Речь идёт о материях более тонкой природы. И, соответственно, более тонких манипуляциях. Вот, скажем, кишечно-полостная или головоногая кралячка *раза четыре* (чем она, конечно, гордится) побывала в официальных объятиях Гименя – то есть прошла боевой путь от бракозакрывающего заявления в загсе до искового бракоразводного заявления в суде; эта дама, до мозга костей, пропахла порохом, гарью, феназепамом, палёной водкой, липким потом случайных и неслучайных случаев с ней самцов, ладила-врезала новый замок (или наоборот – взламывала дверь – ловчась на арапа, незаконно то бишь, проникнуть в защищённое новым замком помещение бывшего супруга), прилаживалась уж было, маникюрными ножничками, ненароком взрезать спящему супругу сонную его артерию, ну, всякие там слежки-обыски-сцены-подставы опускаем (как входящие в преискурант этих диалектических процессов по умолчанию), а шантаж-сплетни-афёры-инсинуации – как общие места.

Но ударяется эта потасканная кралечка о забугорную землю – и в тот же миг предстаёт пред детскими очами желающей быть сожранной мужежертвы – девицей-лебедицей, целкой-отроковицей, сладкоголосой птицей юности. (Ну и, разумеется, целомудренной-целомудренной розой: почище шри-ланкийской богини непорочности Паттинн.)

Такая жонпа (ибо всё перечисленное есть *процесс вхождения жонпы в самую силу*), произведя до того две дюжины аборт, а иногда гуманно уравновесив их сданными в приют детьми, разрешает забугорной мужежертве целовать себя только в лобик, в ладошку, иногда – в щёчку, а в губки – в губки нет: этого она долго-долго стесняется.

Особенности алиментации жонп в различных биоценозах

Мужежертвы и клиентура платят некоторым из жонп не только собственной жизнью и здоровьем, но и, например, *эфиопскими бырами*; некоторые жонпы базируют своё хозяйство на *хорватских кунах*, некоторые как-то изворачиваются (и даже становятся православными прихожанками) на *бангладешских таках*, иные строят здоровую тайландскую семью на *тайландских батах*. А есть даже и такие жонпы, что не отвергают ни *таджикские сомони*, ни *узбекские сумы*, равные всего-то ста *тыйинам*.

У жонп с заурядной телесной оснасткой высоко котируется *новый румынский лей*. Что же до знаменитых *монгольских тугриков*, то здесь статистических данных у нас, увы, недостаточно. Зато бойко идёт среди жонп *твёрдый-твёрдый* и очень длинный, несопоставимо длиннее рубля, *нигерийский найр*. В Лагосе за один поцелуй хрущачки медовой дают три *нигерийских найра*.

А некоторые жонпы, как в законном браке, так и вне брака, получают много *малавийских квач*. У них на чёрный день, который, как они считают, ещё не наступил, припасены тазы, вёдра и оцинкованные корыта, полные *малавийских квач*. Мы располагаем некоторыми неопровержимыми данными, что особо фартовые жонпы умеют раскрутиться даже и до уровня *замбийских квач*. Одна журчалка ручьёвая, пишут, построила в своей родной деревне православный храм – держится он без единого гвоздя, только на *замбийских квачах*. Но в зарубежной печати проскальзывали опровержения: из Боливии писали, что храм держится на *боливийских боливиано*, а из Венесуэлы – что на *венесуэльских боливарах*.

Да и чёрт с ними со всеми.

6

Аад вернулся из отпуска с эффектной – и отнюдь не фиктивной – любовницей. Вернулся он с ней, скажем так, *в своём сердце*, ибо физически она жила в сопредельной стране. Что, конечно, только укрепляло – своим романтическим флёром – такого рода зыбкие отношения, которые, в отсутствие оно, возвращают Ромео и Джульетту к нехитрым пестикам-тычинкам секс-шопа и самодостаточным онаническим фантазиям.

Любовники встречались довольно регулярно.

У сопредельной принцессы было, суммарно, четыре неоспоримых достоинства: наличие мужа и троих детей. И не то чтобы Аад был так уж чадолюбив, скорее даже наоборот, а поэтому, безошибочным чутьём бывшего страхового агента, он сходу усёк, что с такой женщиной можно резвиться по полной программе – нимало не опасаясь ни истерик («хочу ребёночка»), ни фрустраций («очень-очень хочу ребёночка»), ни «задержек» («у нас, возможно, будет ребёночек»), ни бессердечных подножек («буду рожать»).

Между тем подошёл день (назначенный самим Аадом, а слово он держал) – подавать заявление на бракорегистрацию. Рая, наведавшись к Ааду накануне того, обнаружила кое-что похуже забытых (или подаренных) кружевных женских

трусиков, а именно: она увидела идеальный порядок, наведённый более-менее стационарной женской рукой. Эпицентром же былого беспорядка оставалось развороченное двуспальное ложе, служившее (причём, судя по свежеразодранному пододеяльнику и громадным жёлтым пятнам на простынях, – совсем недавно) ристалищем жесточайших, самых нескромных схваток.

Ведомая знаниями, добытыми в Клубе, Рая нырнула своей большой, вмиг вспотевшей ладонью между томиком Фихте и томиком Ницше, затем – между томиком Шеллинга и томиком Гегеля, затем – между томиком Леонгарда и томиком Шлейермахера, где наконец и обнаружила искомое: фотографию конкурентки. Патлатая стервоза возлживала, как ни в чём не бывало, на этом – да: именно на этом! – стократно обесчещенном ложе – в костюме Евы, с бесстыжими, вольно разброшанными ляжками похотливой кобылы, – пребывая, судя по всему, в самом лучшем, то есть только что убогатворённом расположении порочных своих телес. Рая тайно сделала копию этой порнухи – копию, которая затем поочерёдно демонстрировалась ею наиболее опытным членам Клуба (и, переходя из опытных рук в руки наиопытнейшие, была сопровождается силпым вопросом Раисы: ну?! и кто же из нас двоих лучше?!) Не дожидаясь ответа, Рая начинала истошно вопить: да чтобы я теперь!!.. да когда-нибудь!!.. да на эту кровать!!.. где он!!.. где она!!.. где они, сволочи, кувыркались!!.. да никогда в жизни!!!

И чем громче Рая вопила (хотя, что самое существенное, её в эту кровать никто и не приглашал), тем яснее становилось – даже случайно это слышащим детям – даже тем из них, которые совсем плохо успевали в школе: она к этой самой кровати – той, что вскоре будет узаконена местной мэрией как её, Раино, брачное ложе, – не то что проползёт – ринется по головам.

Включая собственную.

А что? В этом мире побеждает небрезгливый. Хотя – что же считать «победой»? Собственное поражение? Как-то совсем по-оруэлловски тогда получается. Сформулируем конкретней: наибольший человеческий приплод приносят наименее прихотливые, наименее взыскательные, наименее брезгливые самки. Что же тогда говорить о человеческом генофонде в целом?

В Клубе русских жонгл, за день до регистрации брака, Рая раздражалась также и другой инвективой. Словесный её состав (смысловой там отсутствовал) был примерно таков: а вот я завтра на него посмотрю!! я посмотрю, как он заявление на регистрацию подавать будет!! я ему ничего не скажу, я только в глаза ему загляну!! интересно, а он-то как в мои поглядит?! И т. п.

Высококочтимые дамы, т. е. члены Клуба, скорее всего, не знали, что данный брак заранее был оговорен как фиктивный. Создавалось такое впечатление, что это немаловажное примечание напрочь упускала из виду сама невеста.

7

На следующий день Рая и Аад подали заявление (о роковом поединке их взор нам ничего не известно), а через два месяца они уже смущённо топтались на малиновом коврик перед суконным ликом брачующего их чиновника. Рая ослепительно сияла во взятом напрокат (клуб «Русские Присоски») бархатном платье цвета варёной свёклы, удачно дополненном кучерявой синтетической розой, которая хищно чернела у Раиного широкого, как коромысло, плеча; голову её – устрашающе блестя лаком и гелем – венчала бабетта Бабилонской возвышенности (отчего и сама Рая возвышалась над Аадом на высоту этой баснословной бабетты); нагота Аада была прикрыта бурой тишорткой с малопонятной канареечной надписью «НІС ІАСЕТ...»³ и клюквенно-красными джинсами; очень нарядно выглядели

³ Здесь покоится... (лат.) – надгробная надпись (прим. автора).

новые, огуречного цвета, пластмассовые шлёпанцы на босу ногу. Над чиновником, в золочёной раме, радуясь доброкачественности новой подданной – ах! – почти что помавая ей рукой! – поощрительно улыбалась королева Беатрикс, словно взявшая на себя вдохновляющие функции Флоры, римской богини плодородия. А по обе стороны от новобрачных стояли мы – два свидетеля: моя компаньонка и я.

Нам трудно было там стоять. Становилось совершенно очевидным, что мы присутствуем на сеансе заглатывания кролика удавом. Это становилось очевидным как дважды два. Картина усложнялась однако же тем, что не было до конца понятно, кто же кролик и кто удав, – и если можно представить кошмарную картину в духе, скажем, Алана Гоббслея, где каждый является и кроликом и удавом одновременно, то это было самое то.

Пикантность ситуации заключалась также и в том, что Рая, питавшая свою духовную субстанцию животворными советами дам из «Русских Присосок», тем не менее, не решилась пригласить в качестве свидетельниц ни одну из них: она опасалась, что, невольно позавидовав её, Раиному, лучезарному счастью, жонпы её непременно сглазят.

8

Выскочив из мэрии как ошпаренный, Аад сразу же перебежал на другую сторону улицы. На другую – по отношению к той, по которой, сияя, зашагала его законная фиктивная супруга. Поволоклись и мы, свидетельницы, – в качестве свадебного – или похоронного – то ли шлейфа, то ли кортежа. Ещё вылетая из холла, Аад, тем не менее, остановился, потребовал наши (мои – и второй свидетельницы) прокомпостированные транспортные билеты, внимательно взглянул на них, затем на свои часы – и сказал, что, поскольку час с момента компостирования ещё не истёк, мы можем ехать на трамвае, ура, не производя дополнительного компостирования.

(Русский человек уловил бы в этом высказывании адресованный ему намёк убираться к той самой матери, праматери всех матерей, но мы с компаньонкой были уже тёртыми калачами и отлично понимали, что человек нидерландский, автоматически, проявил здесь единственно свою мифологическую *бережливость* – назовём это так – и соответствующую ей шкалу ценностей.)

Когда мы дошли до трамвайной остановки, Аад снова перебежал дорогу, на сей раз нам навстречу, словно присоединившись на миг к нашей зачумлённой тройце, но вскочил в иной вагон по отношению к тому, куда водрузила телеса его законная фиктивная жена – и мы, ошалелые *свидетельницы* («преступления, совершённого в особенно циничной форме»).

Впрочем, Рая продолжала сиять. А что? В этой жизни побеждает невозмутимый.

Побеждает – кого? Ну, это уже другой вопрос.

Вторая свидетельница, забившись на заднее сидение, *как бы* смотрела в окно. Сидя с очень прямой спиной, она демонстрировала прохожим редкий цирковой аттракцион: обильное увлажнение лица слезами – без какого-либо участия мимических мышц.

В таком составе и в таком настроении мы вышли возле дома Аада. Мы вышли там потому, что у него на этот день была назначена встреча с двумя музыкантами, которых познакомила с ним именно я, – поэтому он меня, а заодно и компаньонку, заранее пригласил. Не знаю, приглашал ли он Раю. Что-то даёт мне основание в этом сомневаться. Но она тоже направилась к его двери – вместе со всеми, как ни в чём не бывало. В это время, вприпрыжку, как раз подошли музыканты.

Увеличение поголовья компании на две единицы естественным образом разрядило обстановку. Это была уже именно *компания*, даже *компашка*, а никакой не свадебный кортеж. О том, что произошло пятнадцать минут назад, знали не

все, а только две трети присутствующих. И поскольку в квартире каждый из вошедших сразу же занялся своим делом – разматыванием проводов, настройкой гитар, подключением усилителей, а также сосредоточенным рытьём в книгах (в последние были углублены, конечно, вторая свидетельница и я), то Рая как бы естественно (естественно для неё самой) – но, на всякий случай, не по-наглуму, а именно что тихой сапой – вступила под своды святая святых. Она вступила под своды Аадовой кухни – «хлопотать по хозяйству».

Вот этот момент следует подчеркнуть особо. Итак, NB: Рая хлопотала на Аадовой кухне не как залётная пташка, не как гостыя – на равных правах с прочими – нет! Она хлопотала как *хозяйка дома*, и на это было страшно смотреть.

Тем более, что Аад не смотрел на неё вообще. Это Рая смотрела на всех – со своей сладкой-пресладкой улыбочкой («Без мыла в жопу залезет», – как экономно определяла это выражение её экс-напарница по церковной койке). И так, Рая смотрела на всех нас с этим убийственным (для любых *свидетелей*) и при том нерасторжимым выражением животной угодливости – и животной же невозмутимости. Карамельно улыбаясь, тараща глазки, вздыбливая бровки, она пыталась шутить. Разрумяниваясь, алея, рдея, хорошея – она порхала с подносыком, словно шекспировский Дух Воздуха. Подавая, убирая – предлагала, угощала, нахваливала: бутербродики, тостики, салатки, печеньице, конфетки, фруктики. Она подливала воду, колу, напитки, ещё какую-то дребедень – и всё это выглядело тем более странным, что в доме Аада почти ничего не было, он ни к чему не готовился: будний день.

Это явилось, наверное, первым испытанием для свежезарегистрированной супруги в стихийном, организованном ею же самой, *обряде брачной инициации*: суп из топора Рая таки да, супчик сварила. Хотя, если быть совсем точными, она сварганила потрясающий супец – причём буквально из воздуха.

Более того: оказывается, колбасясь вчера вечером в церковной пристройке (меж смертно смердящих наркоманов), она даром времени не теряла, но, напротив того, умудрилась испечь настоящий “наполеон” – роскошный, пышный, сливочнo-палевый – ах! – вызывающе-белоснежный – одним словом, царственный, – который она, бережно разместив в коробке из-под своих свадебных туфель сорок второго размера, – по дороге на фиктивное бракосочетание спрятала за цветочной кадкой возле самых дверей Аада.

И вот сейчас “наполеон” был подан. Источая сладость и масляно улыбаясь, торт, казалось, предлагал сам себя – совсем как испекшая его претендентка на единовластное правление кухонно-прачечным парадизом.

Чем закончился для новобрачной этот день, мы – то есть вторая свидетельница и я – не знаем. У нас не выдержали нервишки: мы, «по-английски», свалили.

9

Через неделю у меня стали раздаваться регулярные телефонные звонки. Звонки были от Раи, но жила она уже в квартире Аада. Каким образом оказался возможным такой кульбит? (Ну, это – смотря что понимать под словом «жила». «Рабинович здесь проживает?» – «Нет». – «А разве Вы – не Рабинович?» – «А разве это – жизнь?»)

О, если у вас возник такой сугубо отвлечённый вопрос («жизнь – не жизнь»), значит вы попросту недооцениваете женскую целеустремлённость. Которая, найди она более достойное применение (чем поимка и порабощение очередного идиота-самца), давно бы уже дала человечеству возможность открыть лекарство от рака, секрет вечного двигателя, вечной молодости, вечного счастья – и, реализуя свою, заложенную природой, мощную территориальную экспансию, – даже обнаружить симпатичную, богатую кислородом планету где-нибудь недалеко от

Земли. (Возможно, опять же, – для насаждения там кухонь и спаленок, но это уже другой вопрос.)

Вот один из впечатляющих примеров вышесказанного – примеров, свидетельницей которого (о господи! снова – *свидетельницей!*) мне не посчастливилось быть. Петербургский актёр по имени Иван Григорьевич Барсуковский – и гримёрша-лимитчица Люда. Какая-то ерунда по закулисной пьянке: он шёл в нужник, уже расстегнул ширинку, а тут спотыкается об неё, о гримёршу, – и вот падение (во всех смыслах), залёт, вот тебе деньги на аборт, нет, буду рожать; рожаю. Следующий номер программы: что будем писать в графе «отец ребёнка»? Ну, тут уж наш актёр, обременённый (осчастливленный) третьей семьёй, диабетом, тромбозом и всяческими званиями, встаёт на дыбы – а вокруг себя, вставшего на дыбы, проворно закрепляет в земляном грунте архаические фортификационные сооружения в виде противотанковых надолбов.

Наивный! В науке побеждать, как говорил Суворов, только зацикленный дурак артачится на лобовой атаке.

В зоологической бойне между мужчиной и женщиной (по утверждению Антиопы, Пентесилеи и Фалестры) – так же, как, в целом, в зоологической бойне между «я» и «они» (по утверждению Сенеки, Шопенгауэра и Сартра), побеждает тот, кто имеет лучшую сноровку в обходных манёврах.

Короче говоря, примерно через полгода гримёрша Люда поднесла к близоруким, поражённым вдобавок глаукомой, очам Ивана Григорьевича Барсуковского два документа. Одним был её паспорт, где, на страничке о заключении-расторжении брака, её законным супругом значился не кто иной, как Иван Григорьевич Барсуковский; другим документом было свидетельство о рождении сына, имя которому оказалось Григорий Иванович Барсуковский, а отцом его, как прочёл с нарастающим ужасом Иван Григорьевич Барсуковский, был записан не кто иной, как Иван Григорьевич Барсуковский.

Скромно потупив утяжелённые тушью глаза, Люда объясняла (за рюмкой портвейна, подругам), что в пятимиллионном городе Питере – культурном, промышленном и военно-стратегическом центре, а также колыбели трёх революций, – она вот, как видите, смогла найти человека именно с такими данными (прямо-таки, отметим себе мы, в традициях петербургского двойничества) – то есть существо мужского пола, которое, кроме того, находилось в юридически приемлемой для брачных уз возрастной группе. (Злые языки, правда, скорректировали эту легенду сплетнями о самой банальной взятке в паспортном столе, но красота воплощённого замысла, на мой взгляд, нимало не пострадала от этих легенд о муках творческого процесса.)

10

Экспансионистская операция под названием «Вселение Раи к Ааду» (кодовое название: «Вторжение») осуществлялась следующим образом. После заполнения документа о заключении брака Рая немедленно показала имеющуюся в нём запись святому отцу. Узрев штамп-стигмат, святой отец вынес приговор: он не имеет более права держать в стенах вверенной ему кирхи полноценную половину полноценного автохтона. Таким образом, состоялось изгнание Раи из лона одной, отдаленно взятой церкви. Рая оказалась *как бы* на улице.

Драма бездомности в данном случае была, прямо скажем, сильно раздута. Пастор, конечно, Раю не выгнал, он только имитировал изгнание из рая – и он, к его чести, ещё долго не отторгал бы Раю от неоскудевающих сосцов церкви, ведь это невестка именно его, пастора, подкупленная-ублажённая райскими улыбочками, исходившими от целеустремлённой беженки, познакомила её со своим дальним родичем, «хорошим человеком». И в том случае, если бы Рая собственно-ручно не подбивала бы пастора срочно лишиться себя крова (а дождалась бы вида

на жительство, затем нашла бы работу и сняла бы себе независимое жильё), пастор, конечно, потерпел бы Раино присутствие ровно столько, сколько это нужно было бы самой Рае.

Но Рае нужно было совсем другое. И пастор, рудиментарным житейским чувством, вполне догадывался, что именно. Будучи на стороне Раи (её рахат-лукумные улыбки не просто сулили, но *воплощали* райское наслаждение – совсем как шоколадка «Баунти», то есть делали это куда предметней и убедительней, чем могла бы сделать проповедь самого же святого отца), пастор одной рукой *как бы выселил* её на улицу, а другой немедленно призвал к себе свою невестку – с тем расчётом, чтобы та взялась Ааду названивать – и его, Аада, увещевать.

Пастор вкупе со своим святым семейством уже был проинформирован, что данный брак Аад считает фиктивным и что именно фиктивность являлась базисным условием брачевания, но, видимо, святое семейство сочло: а чем чёрт не шутит? Тыфу, сатана, изыди, грех, грех – имелось в виду: чем только не одаривает нас всемогущий Господь?

Невестка пастора взялась внушать Ааду, что *всё это* – сугубо временно, временно, временно – и, в целом, смысл этого внушения не сильно расходился с проповедями святых отцов, где безустанно подчёркивалось, что и сама наша *leven*-лихоманка, со всеми её топотами-хлопотами, притопами-прихлопами и даже развесёлой присядкой – явление принципиально временное. Ну, скажем, как корь. Немножечко полечиться. Но, главным образом, перетерпеть.

И Аад, несмотря на свой природный и профессиональный скепсис (по образованию он был философом), как-то совсем по-детски попался. То есть пустил троянского коня (великоросского происхождения, малоросской дрессуры) непосредственно к себе в дом-крепость.

Остальное было делом техники.

11

Эта часть, которую мы целомудренно именуем «техникой», сработала, правду сказать, тоже не сразу. Ну, сразу-то – только что бывает? Вот именно. А тут речь о сакральном единении Иня с Янем, на чём и зиждется мир по опечатке Господа Бога.

Для начала Рая проспала целый год в кухне Аада на надувном матрасе для водных развлечений. Уже в середине ночи матрас, как правило, сдувался, сдавался – и превращался в плоскую прорезиненную тряпку. Но, благодаря этой тряпке, Рая спала не на голом полу.

Узнала я об этих интимных подробностях Раиного поста – от неё же по телефону. Но и в вопросе эксплуатации телефона образовался своеобразный нюанс.

Аад запретил Рае отзывать на телефонные звонки. Ясное дело: эта прибрудная подселенка с легитимными документами фиктивной жены не должна была отпугивать и без того недружные ряды Аадовых поклонниц. (Таких дур было немало: Аад был смазлив – капризно-слащавой красотой оранжерейного нарцисса. Не будучи набобом, умеренным бабником он всё-таки был.) Тем более Рая не имела никакого права дать повод его главной пассиве – трёхкратной мамочке из сопредельной страны – засомневаться в верности Аада.

Таким образом, когда я звонила Рае, процедура протекала следующим образом. Сначала раздавались 10 (десять) гудков, затем – словно кто-то спускал курок револьвера – слышался сухой щелчок, и вот тогда аппарат, скрипучим, врожденно-старческим голосом Аада (который как нельзя лучше соответствовал этой адской машинке), сообщал, что, да, дескать, говорит телефонный автоответчик Аада ван дер Браака. Затем звучала партита Баха, под которую Аад назидательно мелодекламировал какой-то стишок, – и только после этого раздавался освободительный

писк-сигнал записывающего устройства. Тогда наступала моя очередь заявить о себе. И я принималась во всю глотку орать: «Рая!! Рая!! Рая, это я!! Возьмите, пожалуйста, трубку!!!»

Поскольку орал не кто иной, как я, то есть женщина, которая уже не могла охладеть к Ааду больше того, чем была охлаждена изначально, да к тому же одна из *свидетельниц*, которых в мыслях он убирал (убивал) многократно, а в реальности – вот поди ж ты попробуй, – телефонную трубку Рае взять позволялось. (Такую категорию звонков Аад, конечно, предусмотрел.)

Но в пределах досягаемости Рая была далеко не всегда, поскольку активно моталась по чужим квартирам с целью драить унитазы, раковины, ванны и ванные, полы, окна, кухонные плиты, а также: пылесосить полы – ковры – лестницы, а также: ухаживать за растениями и домашними животными, а главное: выслушивать ужающие в своём занудстве медико-фармакологические саги пенсионеров.

Но – ничего не поделать. Сладкая-пресладкая карамельная улыбочка Раи, которая лучезарилась на её физиономии незаметно, то есть застыла, словно приклеенная, отверзала уста даже обезьязычевшим паралитикам.

12

Примерно через год Аад повысил Раю в ранге. Причин этого факта я не знаю, но суть его состояла в том, что Рае *было уже позволено* брать телефонную трубку в случае *любых* звонков. Такое частичное восстановление в правах после полного в них поражения можно объяснить спорадическим обострением великодушия у того, кто был попросту взят измором, – почему нет?

Хотя я исключаю, что Рая, по совету наиболее продвинутых жён Клуба, на досуге нет-нет – да и зашёптывала куриное яйцо (семьсот семьдесят семь заклинаний ежедневно, в течение семи дней); крестообразно мазала его своей менструальной кровью третьего дня; посыпала пеплом срамных (лобковых) волос Аада, снова зашёптывала (см. выше); затем мочилась на него утренней мочой, орошала утренней же росой; затем, под первой звездой, натирала его голодной своей слюной, а также седьмой по счёту левосторонней слезой, – и, наконец, в пятницу, с вечерней зарёй, закапывала яйцо на кладбище, в семидесяти шагах на запад от крайней детской могилки.

В любом случае – прорыв произошёл немалый, согласитесь.

А вскоре я узнала (от неё же, по телефону), что восстановление в правах пошло даже шире, чем мне сообщалось первоначально.

Оказывается, Рая уже *спала* с Аадом. Ненавижу этот глагол в его *переносном значении* – звучит, на мой взгляд, ещё мерзопакостней, чем фраза «она в интересном положении», или «она облегчила свой нос», – но упомянутый глагол стоит здесь в своём наипервейшем значении: она именно что спала. По крайней мере, пыталась уснуть. Ещё конкретней: если Рая и пребывала в объятиях, то исключительно Морфея.

Бог весть, почему Аад позволил ей взойти на его королевское ложе. Возможно, Рая плодотворно поскулила, что на полу может застудить себе почки, придатки, гайморовы пазухи, межрёберные нервы – ну и так далее – или подобного рода медицинские прецеденты уже имели у неё место. (А платить по страховке – Ааду.)

Не исключаю также, что Аад как истинный философ, то есть индивид, довольно ленивый в области бытовых действий, не был чужд *квиетизма*, а потому, что называется, и *пошёл в Каноссу*: в конце концов, преследуемая целой сворой инстинктов осатаневшая женщина может атаковать спящего, беззащитного обладателя тестисов и с положения «лёжа на полу» (и это, согласитесь, не самый сложный для неё случай), – но если она будет лежать рядом (как неуклюже обманывал себя Аад), притяжение запретного плода значительно для неё ослабнет – не может, чёрт возьми, не ослабнуть – за счёт регулярной обыденности всех составляющих

(пижама, чистка зубов, спуск воды в туалете, позёвывание, почёсывание), входящих в узкофункциональный акт безбурного, бесполого отхода к супружескому сну.

Действительно: с переменной Раиной дислокации для неё, Раи, многое осложнилось.

Теперь, когда расстояние между противостоящими сторонами сократилось до минимума, возможность обходных маневров у Раи исчезла. Ей следовало резко сменить тактику. Поэтому, помимо фронтальной (штыковой, артиллерийской, танковой) атаки, Рая неоднократно применяла к противнику длительную пытку лишением сна (в виде «задушевных ночных разговоров», подпираемых целым рядом красочных примеров из Всемирной истории, напечатанной в отрывном календаре: Тристан и Изольда, Лейла и Меджун – ну, и ещё пара-тройка классических пар – вроде таких, как, скажем, Николай Рыбников – Алла Ларионова).

Выпускала Раиса и своих боевых слонов. Природа щедро оснастила её большой белой грудью, царственными ляжками – и обильными, пышными, сокрушающими мужской разум ягодицами.

Однако занявший твёрдую оборонительную позицию Аад – в случае тривиальных женских вожделений – оказался не таким безнадёжным ослом, каким он ярко проявил себя в филантропическом проекте интеграции «новой подданной королевы». А потому он, Аад, сразу же вломил Рае в лоб, что: 1. физически она ему не нравится, 2. романтически не вдохновляет, 3. эротически не возбуждает, 4. сексуально не интересует вообще, 5. а на предмет рождения детей – просто отпугивает. После чего он закамуфлировал органы зрения веками – и поглубже забрался в свой уютный, сооружённый из подушек и одеяла, индивидуальный бункер.

13

Все эти пункты, один за другим, Рая изложила мне в своём *вое по телефону* (обозначим таким образом эту разновидность устного народного жанра), чем полностью парализовала мою двигательную, а также мозговую активность.

Тогда она, с тем же *воем* (вот это были единственные минуты, когда карамель розовогубой улыбки всё же сходила с её лица), Рая приспособилась звонить в Киев – *настоящей женщине*, ушедшей (хотя и подувядшей) красавице, мужней жене с пугающим стажем супружеской жизни («Столько не живут», – как шутила она сама последние лет десять), опытной хозяйке, а именно: своей кровной родительнице.

Мамаша Раисы оказалась нервами куда как покрепче меня, что нетрудно. Она тут же озвучила новые пункты *науки побеждать*: а за руками ты ухаживаешь?! Не думай, что руки – это второстепенная часть!! Это как раз первостепенная, да!! У женщины должны быть красивые руки! Питательный крем на них ложишь? Ногти свои укрепляешь? Подпиливаешь? Лаком-то мажешь? А волоса из носа выдёргиваешь? А массаж волосистой части головы – ты знаешь, что это? Да не себе! А мужу своему! Мужчины это все любят! (*Дробное нутряное кваканье.*) А гимнастику для бёдер? А хула-хуп крутишь? Сколько, кстати, у тебя сейчас сантиметров в талии? А педикюр делаешь?

Ну и так далее. Фрикативное «г» и прочие альтернативные фонетические единицы добавить по вкусу.

14

Не успела я ещё восстановиться от паралича, как Рая мне позвонила с *воем*, что у неё будет ребёнок. У меня еле хватило разума не уточнять, от Аада ли возникла сия завязь, когда я поняла: *вой* Раи относится не к самой беременности, а к тому факту, что *он*, то есть Аад, ни о каком деторождении и слышать не хочет.

Тогда Рая обратилась к потенциальным союзникам. О нет, это уже не были тёртые дамочки из «Русских Присосок». То были советники рангом повыше: пресноликые, воблообразные (в целом похожие на гибриды налоговых фининспекторов с автоматами для размена денег) сотрудники из службы социальной психологической помощи (СПП).

Можно сказать, что, обратившись к аборигенам, Рая открыла Второй фронт. Желая ударить по противнику объединёнными силами, Рая старательно выла в кабинетах СПП: и пускай!! и пускай!! я сделаю аборт!! – на что сотрудники СПП отработанно напускали на свои лица *сострадание и крайнюю озабоченность*: что вы! Что вы, что вы! Хорошо подумайте!! Ведь это ваша первая беременность! Вы замужем! ваш муж хорошо получает! Здесь снова вступала Рая (*ария героини*): так знайте ж: я поеду рожать на Украину! И останусь с ребёнком там, на Украине! И пусть мы там вместе погибнем от повышенного радиоактивного фона!! *Хор*: что вы говорите, Рая! Одумайтесь! Вы ещё так молоды! Ведь ваш муж будет очень опечален, если вы умрёте от радиации! А если погибнет от радиации ваш с ним ребёнок, ваш супруг опечалится ещё больше!

Короче, сотрудники СПП, несмотря на своё таинственное высшее образование, как-то не вполне уяснили, что Аад не хочет ребёнка принципиально – ни от кого – не только от Раи в частности, но, по его утверждению, даже от бельгийской принцессы.

Однако оставим бельгийскую принцессу безутешно плакать под дождём, возле парадного подъезда Аада, где она потеряла последнюю надежду на интракорпоральное (естественное) осеменение, – и вернёмся к сотрудникам СПП.

15

Их профессиональные умозаключения были таковы, что Аад на самом-то деле ребёнка как раз хочет, ещё как хочет, *ему просто так кажется, что он не хочет*: от запредельно сильного хотения он частично потерял ум – и потому даже сам не сознаёт, насколько же он всё-таки хочет ребёнка.

И вот – работники СПП вызывают к себе Аада. В этой истории, загадочной для меня от начала и до конца, одним из наиболее загадочных мест мне видится именно это: за каким лешим Аад к ним всё же повлётся?

Здесь лезут в голову самые неправдоподобные версии, начиная от целенаправленных заклятий Чёрного Полесья, аккуратно воспроизведённых Раисой по науцанию ушлой киевской мамы; цепочка логически длится мистическими обрядам вуду (благо среди самых разномастных подданных – у королей Оранских есть и такие) – и тянется аж до непреднамеренного сглаза Аада его же собственными сослуживцами. Разве не бывает? Конкуренция.

Кроме того, я вспоминаю описанную одним современным классиком гибель некоего частного лица на гражданском аэродроме. Внезапная эта гибель происходит, тем не менее, не сразу, а поэтапно, зловеще растянуто (главный ужас действия заключается именно в её растянутости), завлекая человека всё дальше и дальше к точке необратимости. Смерть словно играет с ним, забавляется им – ведь погибнуть человек может в любой из описанных точек, судите сами: ветром у него сдувает шляпу, он бежит по лётному полю, его чуть не сбивает грузовой автокарой (слово-то какое!); он увёртывается, поскользывается, падает (сильно ударившись затылком об лёд), но это не всё: падая, он делает неловкое движение, выпускает из рук портфель – тот раскрывается, и из него выкатываются, в одну сторону – красное яблоко, в другую – фиолетовый флакончик дезодоранта; побеги человек за дезодорантом, остался бы жив, но бедолага бежит почему-то за яблоком, особенно красным на белом снегу: порывом ветра его, бегущего, толкает к находящемуся рядом допотопному самолётику «ЛИ-2», и лопасть включённого пропеллера наконец-то сносит человеку голову.

Аад стоит в кабинете СПП, а Рая в том кабинете лежит. Нет, поймите правильно: лежит она не в раздвижном комфортабельном кресле для пациентов, а прямо на полу, который ещё хранит грязноватые следы продавца из магазина детских игрушек, приходившего жаловаться на свою жизнь в целом и наркозависимость в частности. Рая лежит на полу у стены: где стояла, там и сползла, – внезапно ей сделалось дурно.

По законам куртуазного жанра, Аад (не этот, а *лучший* – в плаще, с розой и шпагой) должен бы ослабить, а то и вовсе расшнуровать ей тиски узорчатого корсета, затем изумиться прекрасным белым грудям (похожим на два сливочных пирожных – каждое с яркой клюквинкой посередине), затем потерять голову, а затем уже действовать по темпераменту: то ли опрыскать прекрасной синьоре лицо и грудь, – то ли, как писали поэты востока, *оросить розу нектаром любви*; второй вариант, конечно, предпочтительней (для заждавшихся зрителей).

Пока Аад втаскивает Раю в кресло, а работница СПП подаёт ей бумажный стаканчик, открывает окно и испуганно звонит в регистратуру, Рая тихо, но настойчиво воет: оййй!.. чувствую, сейчас скину!.. ой... сейчас у меня здесь выкидыш будет... оййй... матка уже сокращается... оййй... оййй... Как бы теряя чувства и контроль над ними, Рая воет всё же по-нидерландски, помогая себе, в наиболее сложных местах, английским – а то, вой она на своём родном, кто же ей станет внимать? (Ключевые слова «выкидыш» и «матка сокращается» Рая предусмотрительно вызубрила на обоих языках.)

Работница СПП, обратив на это внимание особо, совсем не рада перспективе получения выкидыша здесь, в кабинете, где она только что скрупулёзно агитировала эту иммигрантку за здоровые роды. Чиновница смутно чувствует какую-то нестыковку в своей нелёгкой работе и потому старается выпроводить эту странную *steltje* (парочку) как можно быстрее. При этом она советует Ааду обращаться с женой помягче – по крайней мере, не подымать тему аборта ещё недели две, пока риск самопроизвольного выкидыша («несущего опасность осложнений») достаточно велик.

Проходит две недели. Аад, искоса поглядывая на законную фиктивную супругу, отмечает объективное улучшение её состояния. Он открывает рот – и говорит то, что давно собирался сказать. Рая (с трогательным послушанием наложницы фараона) безропотно идёт туда, сама знает куда.

Вернувшись позже обычного, она ложится (с видом наказанной собаки) на надувной матрас.

То есть самостоятельно наказует себя, при том явно понижая в статусе.

– В чём дело? – встревоженно закуривает законный фиктивный супруг.

– Пропущен срок, – виновато заикается Рая. – Дело в том, что в самом начале его определили неправильно: сейчас у меня на самом деле уже больше, чем двенадцать недель.

Как легко догадается всякий, кроме Аада (несмотря на его, Аада, высокий IQ), срок беременности, и вот именно что с самого начала, был определён как раз правильно (причём самой Раей, с помощью тестера); отвлекающий манёвр в кабинете СПП был осуществлён с целью выиграть время.

Но Аад не сдаётся. Он выясняет, что аборт делают не только на таком, но даже и на большем сроке – по медицинским показаниям. Правда, Рая, *на его беду* (так думает он), здорова, как стадо лошадей. Поэтому остаётся три пути:

1. Подпольный аборт в любых условиях (Аад не спит ночь – и контраргументы либерального европейца побеждают).

2. Фиктивные данные о нездоровье Раи (за ними надо ехать, как минимум, в какую-нибудь Португалию, а то и в Румынию – кстати, там же лучше всего и довести дело до конца, но – money, money, money).

3. Есть такой волшебный кораблик-абортарий (Королевства Нидерландов), который, стоя на якоре в *нейтральных водах* (на расстоянии, как оговорено, не менее двенадцати миль от строгой и неприступной, неукоснительно католической Польши), делает для женщин, бегущим к нему по волнам, *всё необходимое*, что, по странному совпадению, запрещено польским законом.

То есть делает, конечно, не сам кораблик, а несколько работающих на его борту бригад – гинекологов, хирургов, анестезиологов и медсестёр. Следовательно, Раису надо будет тащить в Польшу (снова – money, money, money), затем добраться до соответствующего порта, а уж затем – как именно? лодочкой? яхтой? – преодолеть эти двенадцать миль до чудо-кораблика – о, сплошные убытки! – а на самом кораблике, украшенном, как Аад с ужасом видел в рекламе, китайскими фонариками и гирляндами живых цветов, надо будет заказывать каюту, операционное вмешательство (с каждым днём беременности элиминация эмбриона, конечно, дорожает), – не забыть вперёд оплатить послеоперационный уход и контроль, а ведь там, на кораблике, надо ещё и питаться – о! можно себе представить (точней, нельзя), какие на том гинекологическом плавсредстве цены! А вдруг там ещё и очередь?! Money, money, money... must be funny... in the rich man's world...

17

Долго ли, коротко ли, но через полгода телефонный голос Аада говорил следующее: «Здравствуйте. Говорит автоответчик семьи ван дер Браак. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение для Аада, Раисы или Йооста».

Я оценила посильное остроумие Аада. Но всё-таки я не смогла понять его расчёта: в корнелевской борьбе между долгом и сердцем – точнее сказать, в борьбе между жизнью и кошёлком – победил, что не странно, кошёлёк. Странно другое: видимо, Рая тотально зомбировавала озабоченные (укреплением обороны) мозги Аада, если смогла провести и закрепить там мысль, что производство ребёнка на свет обойдётся куда дешевле, чем его уничтожение в материнском чреве.

«Дешевле» (goedkoper) – это, конечно, магическое (даже парализующее) сочетание букв для автохтонов Низких Земель. На это слово их можно ловить – ну просто как тупорылых карпов на хлебный мякиш. Так что зачарованный Аад словно упустил из виду двухэтапность процедуры, где непосредственно роды – от первых схваток до плодоизгнания – занимают максимально восемнадцать-двадцать часов, а вот пестование-воспитание (именно эту часть проекта Аад как-то и не учёл!) – восемнадцать-двадцать лет.

Прикиньте. Причём это как минимум.

И то – исключительно в странах Первого мира.

А неизвестно, в какой по счёту мир может закинуть человека изобретательный рок.

Но – кто старое помянет, тому... обвинения, шишки на голову и приключения на его глупую задницу. Как сказал известный режиссёр, счастье – это хорошее здоровье и плохая память.

...Через четыре года они чинно-мирно шли из детского садика. Впереди семенил Йоост, с противным грохотом везя на верёвочке игрушечную машинку. Чуть сзади него, как-то отдельно ото всех, неторопливо шёл Аад с мечтательно-отрешённым выражением по-семейному располневшего лица, которое, как водится в таких случаях, приобрело черты туповатой барственной вальяжности. Рядом с ним – затравленно, вся настороже, клала-выкладывала большие свои стопы верная Рая, с заботой кошки глядя на сына и с озабоченностью – на супруга. На лице Раи, как всегда, была чётко позиционирована её сахарно-карамельная лучезарность, которая, засахарившись под воздействием времени, воздуха и перепадов температур, словно окаменела.

Вот, отпускаю шпильки по поводу чьего-то беспамьятства, а сама забыла такой яркий период Раиной жизни, как токсикоз первой половины беременности. С присущей ей «положительной установкой» на всё сразу – установкой, при которой любые явления жизни всеми правдами – и, главным образом, неправдами – подгоняются под единственный ответ задачника («Всё будет хорошо!.. всё будет хорошо!..»), Раиса, конечно, подтащила под свой токсикоз «позитивную» идейную базу: оказывается, её организм, прежде чем принять святой венец материнства, очищает свою карму от грехов прошлого. В том числе от грехов предков вплоть до Адама. То есть: чем сильнее выворачивает, тем лучше!

Грехами, в конкретном, сиюминутном выражении, были: гречневая каша, пельмени, солёные огурцы, халва, конфеты «Мишка на Севере», жареные семечки – всё то, что Рая с иступлённым упорством покупала в русском магазине «Озорные лапти» (особенность её токсикоза заключалась в том, что она была в состоянии потреблять только русские продукты; данный медицинский, а может, и политологический казус обеспечил бы соответствующему учёному, полагаю я, Нобелевскую медаль). Все эти продукты были словно бы предметным воплощением Раиных грехов, потому что именно они, едва поглощённые, тут же, прежним путём, выходили наружу. Процесс очищения кармы проходил у Раи круглые сутки, с очень короткими перерывами на сон – перерывами настолько короткими, что Аад, который ни разу не оскоромил своих дланей, дабы внести свой вклад в семейное хозяйство, по ночам орал на беременную жену: что, корова?! что, раковая сука?! Опять тебя выворачивает?! Я же должен спать!! Мне же утром на службу!! Когда же, боже мой, это кончится?!!

И Рая снова перебралась на свою воздушную подстилку в кухне. Но на сей раз она дальновидно утеплела её разнообразным тряпьем, которое, в целях свивания ею гнезда, натаскали в хлопотливых клювах товарки по клубу «Русские Присоски».

Днём она разговаривала по телефону, к которому у неё уже был полностью свободный доступ (не сразу Москва строилась); телефонная трубка торчала из её шуйцы победно, как жезл; десницей придерживала она на коленях металлическую миску с горячими свиными пельменями; у стоп Раисы жертвенно ждал своей минуты пластмассовый тазик. Рая говорила по телефону, скажем, – здравствуйте, ой, сейчас только пельмень съем! – запихивала пельмень «прямо в пельку» (как любовно именовала это отверстие её мамаша); далее абонент вынужден был прослушать целую гастроэнтерологическую увертюру к ожидаемой алиментарной сюите – увертюру, состоящую из звуков пережёвывания пищи, её заглатывания, многосложной отрыжки, мощных рвотных спазмов, стонов, непосредственного плеска чего-то жидкого (абонент, к счастью для себя, не видел, что почти не изменённые кусочки пельменей выскакивали при этом у Раи даже через ноздри), после чего Рая громко, основательно чихала – с завершающим всхлюпом и всхлипом – затем сморкалась, утирала нос-рот, глубоко вдыхала, говорила: о, проклятый! Ишь, назад выскочил! а вот сейчас запихну другой!.. Добренький день ещё раз, Валентина Ивановна! Ну, как вы там поживаете? – запихивала *другой* (это было хорошо слышно), и – сложная музыкальная фраза повторялась.

19

Рождение ребёнка не изменило образа жизни, который вёл Аад. Имеем в виду: ни в малой степени не изменило его к худшему. Очевидно, таковым было его условие деторождения (причиной которого, деторождения то есть, стал, если подумать, совокупный комплекс социально-исторических обстоятельств, как то: коллапс Азиопской Империи, распад Варшавского блока, падение Берлинской стены, падение рубля и всех прочих местных валют Империи, грязевые потоки «Зарубежные записки» №15/2008

восточноевропейских миграционных лавин, граничащая со слабоумием толерантность кальвинистов древней Батавии – и, конечно, спекуляция грузинскими винами, производимая одной, отдельно взятой, кирхой – для камуфляжа чего её духовный руководитель находчиво соорудил нетривиальную филантропическую ширмочку).

Красавчик Аад, вполне основательной фобией которого являлось интеллектуальное и духовное «опрошение» на сонных огородах Гименея (безграничных, монотонно расчерченных тыквенно-капустными грядками до самого горизонта), решил принять некоторые превентивные меры – с целью сохранения своей гармонично сбалансированной цельности.

Выглядели эти меры так. После работы Аад рассеянно заходил домой (здоровая пища, имевшая сущностью тщательно просчитанные Раей калории, единицы веса наблюдателей и витамины, – снедь, принимавшая формы изысканных салатов, овощей, свежайшей зелени, рыбы или лёгкой дичи, – эта однозначно полезная, изобретательно декорированная снедь, восторженно ждущая своего съедения в компании невесомых, а затем янтарно-тяжёлых бокалов, крахмальных салфеток, курчавых живых цветов и зажжённых свечей, – вся эта снедь подвергалась небрежно-элегантному анатомированию серебряными, сверкающими счастьем среднего достатка вилками-ножами). После чего Аад ложился на диван перед телевизором и отдыхал двадцать пять минут. Затем, в спешном порядке, производил собственную эвакуацию из своего же семейного (словно заминированного) дома-крепости: в понедельник – брать частные уроки фортепьяно, во вторник – учиться итальянскому языку, в среду – плавать и продуманно нырять, в четверг – грамотно накачивать мышцы, в пятницу – в меру фривольно вальсировать, чарльстонничать и фокстротничать, в субботу – общаться с эсперантистами (затем снова гнать на велосипеде в бассейн, а после – на курсы балльных танцев), в воскресенье – записывать лекции по истории средневекового искусства (а затем снова, подпрыгивая, бодро шагать в фитнес-клуб). Вот вам и семь дней в неделю.

А дома надо, соответственно, делать домашние задания. По всем предметам. Ну, разве что кроме плавания и нырания.

20

Утверждение, что муж и жена – одна сатана, на мой взгляд, не бесспорно. Это, скорей, предрассудок, даже вредное заблуждение, наподобие того, каким является то, будто Бойль – Мариотт – это одно лицо («одна сатана»), в то время как они, вот именно, муж и жена. С позиций же духовной и прочей энергии логичней было бы припомнить, применительно к супругам, как раз закон Ломоносова – Лавуазье, и тогда мы бы поняли, почему происходило так, что чем больше Аад впитывал знаний и умений, накопленных человечеством, тем меньше в Рае оставалось сил, чтобы сопротивляться своей обвальной деградации.

Дорога в тысячу ли начинается с одного шага. Да хоть бы и в сто тысяч ли.

Ещё будучи на сносях, с огнедышащим брюхом (таким, что Аад почти не врал, когда отказывался обнимать её, говоря, что у него руки короткие), похожая на предгрозовую баобаб, Рая перевезла Аада в другой (более «культурный и цивилизованный») город, на другую (более комфортабельную) квартиру.

Но и в той, другой, квартире, оказалось «много дела для умелых рук»: Рая затеяла обширный косметический ремонт.

С утра всё шло по графику: блинчики ждали Аада в магнетроне, кофейный аппарат французисто картавил и уютно булькал; Рая стояла уже высоко.

Она высилась под самым потолком, словно пролетарская кариатида. На паркет, покрытый прозрачной плёнкой, обильно летели мелкие снежные брызги. «Gospodi! Opiat' zdes' eta zhenscina s vedrom!», – Аад, на пути в ванную, проталкивал, сквозь части зевка, ритуальную свою шутку. (Он слышал, что у русских есть какой-то че-

ловек с ружьём, какая-то женщина с веслом – и приятель, переводчик, научил его сходной фразе.)

В этот момент Рая обычно делала начальное движение, чтобы слезть со стремянки и подать Ааду блинчики, но токсикоз, на сей раз уже второй половины беременности, проявлял свою жестокую к ней ревность: тут же в глазах у Раи темнело, она в ужасе хваталась за верхнюю ступеньку стремянки, из Раиного зева начал обильно выхлестывать разноцветный фонтан: теперь она становилась похожей на полнотелую, позолоченную, красиво подсвеченную – влагоизвергающую нимфу – в далёком, не виденном Раей никогда Петергофе. «Ну вот, опять! ты опять! – справедливо констатировал Аад. (При этом он держал жужжащую электробритву возле самого уха, словно желая заглушить исходящие от жены звуки.) – Мне же завтракать надо! Вот – теперь у меня! – из-за тебя!! – весь аппетит пропал!!..»

В это время, как правило, звонил телефон. Киевская родительница точно чувствовала, что именно сейчас, в этом сложном раунде, ей надлежит сыграть роль рефери. А ты каким дезодорантом пользуешься? Польский никогда не бери, это ж барахло! А волосы ты каждый день укладываешь? А полоскание для рта ты уже купила? А позы ты интересные хоть знаешь? Муж из-за твоей беременности ни в коем случае не должен страдать, ты это запомни!..

На каждый вопрос родительницы Рая незамедлительно откликнулась рвотным спазмом.

21

Вернёмся однако к Ломоносову – Лавуазье. Их закон трудно было бы подвергнуть сомнению уже при первом визите в семью ван дер Брааков.

Аад, как правило, заводил за столом «культурный разговор» – например, занудливо меня спрашивая, смотрела ли я то-то и то-то (называя несколько популярных в текущем сезоне кинематографических помоев)? Нет, я на такие фильмы не хожу, – я с удовольствием сосредотачиваясь на котлетах по-киевски. Так и я ведь не хожу! – радостно откликнулся Аад (в чём был вполне искренен), – вот Раечка меня только затаскивает... Сажает с собой рядышком... Да, Раечка?.. Ужасно. Выбегаю из зала уже через две минуты... Такой отстой! – После этого он, с гадливой улыбочкой, приобнимал жену за широкую, ещё больше раздавшуюся после родов спину, и заканчивал. – Зато нашей Раечке такое кино – нра-а-а-авится... Да, Раечка?.. Да, пусик?..

Создавшуюся неловкость гость ловко заедал котлетой, запивал прекрасным грузинским вином.

А Рая... Рая сидела с тем неопишным выражением, какое бывает у одного из давно живущих вместе супругов, когда второй, в простоте душевной, сообщает обедающим гостям, что тот, первый-де, храпит, сопит и пукает во сне. Как из бочки! – обводя взглядом жующую аудиторию, поясняет скрупулёзный рассказчик.

Самое занимательное, что, даже при этом неопишмом выражении, фирменная Раина улыбочка не сползала с её лица всё равно.

Это был такой – широкоформатный, карамельно-жемчужный – и всё равно – оскал... Словно посмертная маска непоколебимой, пуленепробиваемой позитивности... Застывшая эманация нервно-паралитического жизнелюбия...

22

Но не будем заикливаться на быте. Существовало же у Раи и социальное лицо, верно? Тем более, что не стал бы ведь Аад, в самом деле, держать жену на своём иждивении. С какой это стати?

То есть: коли Рая не околела с голоду и даже растила сына, это значит, что она где-то работала. Где же?

Увы. Работала она в той же самой кирхе, которая когда-то приютила её самое⁴. Правда, физически Рая находилась в другом районе города, а именно: в филиале.

Это было здание, втиснутое между секс-шопом и магазином религиозной литературы. Ещё за квартал можно было разглядеть крупную вывеску над дверями, которая выламывалась из общего ряда бесспорной пикантностью нездешних букв. Надпись была такая:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Но и здесь, как и в знаменитом романе уже упомянутого нами Оруэлла, смысл надписи следовало понимать прямо противоположно.

В это здание, с котомками в руках, сползались существа, рождённые людьми, от людей, — и людьми же превращённые в хлам. Конкретней говоря, это были представители того самого, временно пригретого кирхой контингента, чей срок пребывания в ней истёк. Скорее всего, истекал он по той причине, что пересмотр дела в Министерстве юстиции заканчивался снова отрицательно (при последней апелляции из возможных), — итак, из Министерства приходил окончательный отказ, а партнёров для вступления в счастливый брак эти несчастные обрести для себя не смогли. Они не находили даже партнёров для сожительства — однополого, двуполого, обоуполого, бесполого — сколько их бывает в природе? — не находили, и всё тут.

И теперь этим недотёпам следовало дать пинка под зад. То есть: полновесного депортационного пинка.

Таков был второй этап в технологическом цикле камуфляжа винной спекуляции. Но если первый этап (приём убогих — с распростёртыми объятиями) происходил непосредственно в теле церкви, то этап пинка под зад был от церкви — с целомудренной дальновидностью — отделён. И вот в этом самом филиале, имеющем функцией праведное христианское воздаяние, то есть низвержение грешников напрямиком в ад, восседала Рая.

Я видела, как к ней пришёл человек, — за десять минут до закрытия конторы. Точней говоря, он влетел — и рухнул на стул бездыханный. Он прибыл из какого-то лагеря, куда после филантропической кирхи, чудом, снова сумел приткнуться — теперь он пришёл к Рае, а до того ехал сюда полдня, с другого конца страны, со множеством пересадок, на последние центы, причём в пути случилась авария. Ему надо было спросить Раю о каком-то порядковом номере для своего ребёнка, выяснить какую-то категорию, или какую-то сумму — или просто забрать какую-то справку — этот вопрос, как он сказал, решался в полминуты.

И Рая не возражала. Она не возражала, что вопрос этот мог бы решиться в полминуты. Но она резко возражала против решения данного вопроса прямо сейчас. Она назначила посетителю новый визит через две недели. Тому предшествовали: долгая возня с настольным календарём, озабоченное хмыканье, пожевывание губами, насупливание бровей, задумчивые носовые звуки. Но к тому времени будет уже поздно! — взвыл полураздавленный проситель. Ничего не знаю, — добавила его Рая. Но у Вас же ещё десять минут рабочего времени, ну пожалуйста! — прохрипел ходок. Ничего не знаю, — уютно, по-советски, пропела Раиса. И подняла лицо: чтобы клиенту лучше была видна её улыбка.

Видела я и харьковскую девушку, которая пришла к ней и молвила: а не могли бы вы меня здесь с хорошим мужчинкой познакомить? — А зачем тебе это? — иск-

⁴ К сведению российских читателей: в странах Бенилюкса, даже в сравнении с другими странами Западной Европы, расстояния между населёнными пунктами очень невелики: соразмерны человеку. Следствием является то, что зачастую «бенилюксыцы» работают не в том городе, в каком проживают. Ничего сложного: дорога занимает в среднем от пятнадцати до тридцати минут (*прим. автора*).

ренне полюбопытствовала Рая. (И правильно сделала. Где вы это видели, чтобы кошка съедала мышь, с нею не наигравшись?) А мне замуж надо, – сжато изложила свою программу харьковчанка. Вот поезжай домой, там и выходи, – прищурилась, улыбаясь, Рая.

23

Вообще-то доигралась Раиса. Бралась учиться – да где тут? То мальчик болеет, то на работе завал. Стали докатываться до работы слухи, что Аад уже поговаривает Раисе: ты кто? – ты никто! (То есть творчески переосмысляет минималистский диалог Улисса и Полифема.)

В итоге...

Рая (*после работы, одна*). Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что на работу – всё равно. Да, что домой, что на работу!.. что на работу! На работе лучше... А о жизни и думать не хочется. И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду... (*Берёт хозяйственную сумку, идёт домой.*)

Однако утверждать, что Аад «не понимал своего счастья», то есть не мог по достоинству оценить всех удобств совместного своего бытования с Раисой – значило бы недооценить житейский и, скажем так, философский разум самого Аада. С нашей стороны это было бы серьёзной методологической ошибкой, поскольку оба упомянутые вида ума работали у Аада, скажем так, in cooperation, и, как говаривал классик, *скорее челюстью своей поднял бы солнце муравей*, чем было бы возможным вообразить, будто Аад, в конкретном его воплощении, упадёт, не постлавши прежде на жёсткую землю американский водный матрас с встроенным электронным подогревом. Но как же Аад в этом случае так вляпался со своей идиотской женитьбой? А ничего он не вляпался.

Его нарциссический, то есть обострённый, инстинкт самосохранения – во время первого же свидания с Раисой – внятно нашептал Ааду, что надо бы ему держаться поближе к этой мамочке (как Рая, уже в супружестве, научила себя называть) – к этой мамуле с широкой, по-крестьянски сильной спиной, надёжными плечами – и работающими, большими, как лопаты, руками. Инстинкт нашептал Ааду также, что, оставаясь в холостяках и будучи заваленным по макушку забытыми (а хоть бы и презентованными) женскими трусиками, он годам к сорока пяти пропадёт, захиреет (язва желудка, холецистит, остеохондроз, гипертония, брюшко) – и всё это на фоне разнообразных женских истерик, ложных и подлинных беременностей и непрерывной угрозы венерических неудобств – а там и коньки склеить недолго.

Аад никогда не планировал обзаводиться конкубиной, это было бы, разумеется, артефактом в системе его мировоззренческих построений, но, чтобы *цвели* (и даже плодоносили) *все цветы*, необходимо было какую-либо кухарку и домработницу, в надёжном тылу, всё же иметь – в общем, ничего оригинального.

На клевретах подобного «модуса вивенди» и мир стоит, хотя по мне, конечно, эстетически верней, если бы он, этот мир, сверзился в тартарары.

Однако, вплоть до появления Раи в кафе «Engels», Аад совершенно не представлял, каким образом разрешить подобную противоречивую ситуацию. У него не создавалось в этом вопросе, так сказать, прецедентов. Но, когда наконец возникла Раиса... А вы что – и впрямь поверили, будто он, ценой собственного счастья, решил осчастливить королеву Беатрикс?

Трусость Аада являлась другим его неоспоримым достоинством. Эта была натуральная, природная трусость очень редкого, очень высокого качества, добавок

формально структурированная кальвинистскими принципами – и доведённая до своего логического совершенства социальным статусом университетского преподавателя.

Кстати сказать, в шаблонной системе подмен, взятой на вооружение изворотливым, хотя и не оригинально лгущим себе человеческим мозгом, эта густопсовая трусость именуется, конечно, не иначе как «трезвость», «здравомыслие», «взвешенность суждений и поступков» и даже – «философский склад ума».

В силу этого ценнейшего своего качества, Аад, желая быть удобно-захомутанным, – самостоятельно, то есть активно, в хомут не лез. Но будучи стреноженным работающей, железобетонно-стойкой, крайне неприхотливой и вдобавок бездомной (зависимой) Раисой, он, с облегчением, разыграл гамбит.

24

Уже через пару месяцев совместной жизни – то есть ещё в тот период, когда сегрегированная Рая упрочивала новую свою жизнь на плавательном надувном матрасе и не имела права подходить к телефону, Аад уже понял, что он недостаточно хорошо знает русскую литературу. После некоторых колебаний, он признал для себя, что, во время смотрин в кафе «Engels», методологически крайне неверным с его стороны было ограничение золотых эталонов (*русской женщины*) только Наташей Ростовой, её конфиденткой Соней, Соней-проституткой и Настасьей Филипповной. Он с горечью осознал, что упустил из виду множество других канонизированных женских персонажей. Теперь же, через несколько месяцев, он, поумневший, глядел на Раю – и, сверяя свои впечатления с книгой (коей являлся сборник переводов на нидерландский русской классической поэзии), самодовольно отмечал: ну да –

Глаза, как небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные –

но! но при этом! – ах, дамы и господа! но при этом! –

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!

Именно, – Аад с удовлетворением поглядывал на снующую по кухне Раю, – именно, что так! Absoluut!

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье – в труде,
И труд ей несёт воздаянье:
Семейство не бьётся в нужде...

Woooow! – мысленно восхищался Аад, – как это классик так ловко сформулировал то, о чём Аад, глядя на эту женщину, мог только смутно догадываться?.. На то он, впрочем, и классик...

Всегда у них тёплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Неплохие перспективы!.. Совсем даже неплохие!.. Раечка, а что такое «kvasok»? Понятно... А это не очень калорийно? Так-так-так... А исходные продукты – биологически доброкачественны? А-а-а. Ну, тогда хорошо...

Идёт эта баба к обедне
 Пред всею семьёй впереди:
 Сидит, как на стуле, двухлетний
 Ребёнок у ней на груди...

Да уж... Насчёт *стула* – это поэт... да... – Аад самодовольно хмыкнул. – В самую точку. Рая на этот самый *стульчик* не то что ребёнка, она и его, Аада, поудобней пристроит...

И, что самое главное... что самое главное... Классики-то описывали двух совершенно разных женщин... можно сказать, представительниц антагонистических социальных слоёв... А он, Аад, заполучил это чудо гибридизации и генной инженерии – в одном – именно, что в одном, да вдобавок бесплатном, – флаконе!

После года таких приятных размышлений, то есть после двенадцати месяцев их приятного, неторопливого пережёвывания, Аад и снял с Раи свой мораторий на телефон.

А затем, *step by step*, Аад ввёл аболицию на неприкосновенность своего ложа – и на свой довольно-таки естественный (в случае с Раей) целибат.

25

Выписка из дневника Первого свидетеля

«Сегодня в Академии балета, где я преподаю такой шарлатанский предмет, как всеобщая история, меня спросили, что такое *гаррота*. Объясняя, мне пришлось, для пущей наглядности, сжать своё горло – и, внезапно, я отдала себе отчёт, что при этом слове вспоминаю, в первую очередь, не ту казнь удущением, которая производилась в Испании при помощи хитроумных приспособлений инквизиторской инженерии (вплоть до 1974-го года), – а ту, которой всякий раз подвергалась я сама, – во время своих злосчастных визитов в семейство ван дер Брааков.

Самое странное в этих посещениях – для меня (возможно, именно как для профессионального историка) – заключалось в том, что Рая делала вид, будто *ничего не помнит*. "Невозмутимость" – этот девиз был начертан на её штопанном-перештопанном знамени зверски изнасилованной оптимистки.

За чаем она мне обычно излагала баллады про алые розы своего семейного счастья – розы, которые сыпались на неё отовсюду – с неба, с потолков, с крыш, с фонарных столбов, – ещё в тот период, который она называла не иначе, как *романтическое жениховство Аада*. Она рассказывала мне про серенады, которые он якобы распевал под стенами их церковного бомжатника, про мольбы, которые адресовал самому Небу, про слёзы на его глазах, когда он просил её руки, про...

И это всё рассказывалось *мне*, несчастному свидетелю их воистину казуистического бракосочетания, имевшего место быть всего три года назад...

В связи с этой *странной трактовкой исторических фактов* (если не сказать – с их *изошрённой подтасовкой*), – в связи с этим, я бы сказала, беспрецедентным ревизионизмом реваншистского толка, у меня – как отстранённого исследователя истории – возникает несколько версий:

1. Существует такой психологический феномен, известный науке как *параллакс Френкеля – Закса*: когда индивид сильно врёт, он уже и сам верит, что он не врёт, – то есть даже не верит, что врёт.

2. Возможно, Раиса надеялась, что память, по каким-то таинственным причинам, вроде укуса мухи цеце, выветрилась у всех индивидов из её, Раиного, окружения – и не осталось этой памяти, даже в разmere каких-нибудь пяти жалких килобайт, ни у кого, в частности – у её визави. То есть Раиса предполагала самое оптимистичное: а вдруг у меня (то есть у свидетеля, угнетённого её же позором, – у свидетеля, располагающего, кстати, и ещё одним свидетелем) – да завелась наконец хвороба Альцгеймера?!

3. Третье объяснение, на мой взгляд, – самое убедительное. Раиса была больна (была здорова) корневым человеческим свойством – *отсутствием исторической памяти*. В частности – отсутствием *исторической памяти* на всё "негативное" (с фрикативным "г"), на всё "не оптимистическое", "не жизнеутверждающее", "тяжёлое", "чернушное" – etc.

А поскольку существование всего живого состоит исключительно из сгущений боли с краткими переменками (между уроками), то никто уроков толком не помнит. Homo popularis, он же – homo massalis (массовый человек), в итоге помнит лишь переменки: весёлые потасовки в рекреациях, сладкие ватрушки в буфете, беспроблемное сдирание сочинений, курение в уборной, etc.

И, в таком контексте, полагаю я, куда уж там Маркесу с его крупномасштабной бойней, вагонами трупов, ливнем, который мощно, как из брандспойта, смывает следы побоища, – куда уж там Маркесу с его знаменательным утром, наступившим буквально через пару часов после побоища, – тем утром, когда *о только что происшедшем не помнит уже никто*. Куда там Маркесу с этим страшным обобщением, если, задолго до него, наследника ацтеков и майя, уже оставили в этом вопросе свой золотой след два таинственных еврейских мудреца из города Черноморска.

Их бойня – несколько меньшего масштаба. По числу порющих, правда, она, порка, вполне даже массовая, но по числу выпарываемых – сугубо индивидуальная. А описанный мудрецами *пейзаж после битвы* являет собой настоящий шедевр минимализма:

"Но в кухне уже не было никого, кроме тёти Паши, заснувшей на плите во время экзекуции. На дощатом полу валялись отдельные прутики и белая полотняная пуговица с двумя дырочками".

Вот эти *две дырочки* легко могут добить кого-нибудь слабонервного. Две пуговичных дырочки – это, по сути, всё, что остаётся в памяти массового человека после любых преступлений – любого масштаба.

А что уж говорить про круглосуточное поправление человеческого достоинства в так называемой "семье"? Чуть какая. На то человеку и мозги дадены, чтобы выворачивать любую перчаточку с выгодой для себя. Ну что значит – "с выгодой"? Это значит, что человеческий (в особенности самочий) мозг нацелен исключительно на изобретение оправдательных ("оптимистических") объяснений. То есть таких объяснений происходящего, которые бы – любой ценой!! – способствовали сохранению "статуса кво" – независимо от его качественной сути.

Проще говоря, мозг даден человеку для того, чтобы оснастить последнего такими "предлагаемыми обстоятельствами", при которых задница упомянутого человека, плотно соприкасаясь с довольно-таки горячей сковородкой (и, тем не менее, ленясь изменить свою дислокацию) – эта ленивая задница должна была бы восчувствовать, будто сидит она на мягчайшем диване... хорошо, добротном... марки, скажем, "Хилтон-2"... Немаловажно также убедить в том окружающих. Поскольку будучи убеждёнными, они станут поддерживать ленивую задницу морально. Придавать ей уверенности в том, что, уже дымясь, она сидит не на сковороде, а на гламурнейшем из диванов.

Или: убедить окружающих и себя, что раскалённая сковородка для задницы твоей даже полезна. Необходима. Неслучайна. Обетованна. Искупительна. Является овеществлением избранных судебных. Роковой воли Небес. Ну, и т. п.

Свое малодушие окрести "здравомыслием", а свинскую небрезгливость – "многотерпением". Бесхарактерность назови "добротой" и "покладистостью". Трусость и лень, соответственно, – "тонкостью души" и "почвенной мудростью". Свою тупость нареки, ясный пень, "спокойным, уравновешенным характером". Явное отсутствие привлекательных черт аттестуй как наивернейший признак их "тайного присутствия". Катастрофический дефицит интеллекта назови, не стесняйся, "сокровищами, укромно живущими в самой глубине души".

А что? На то человеку и мозг даден. В отличие от стыдящихся его, человека, куда как менее заносчивых родственников по эволюционной лестнице».

26

Предпоследним актом этой трагедии (именно *трагедии*: на жанре настаиваю) явилось посещение Аадом и Раей семейного психотерапевта.

А куда ж современной семье без *отвлекающей терапии*? Так и тянет сварганить римейк (социальный роман): Анна Аркадьевна знай себе бегаёт к семейному психотерапевту: сначала открыто, с Карениным, затем тайно – с Вронским. Страховая компания визиты с Карениным возмещает, а с Вронским – нет. (Или, допустим, с Карениным возмещает полностью, а с Вронским – только на 14%.) Анна всё глубже, всё отчаянней, всё безнадёжней погрязает в долгах... Финал известен.

Вывод: в социально развитом обществе соответствующий страховой полис обязан покрывать расходы по семейной психотерапии в равной степени – и для супругов, и, как минимум, для одного из любовников застрахованных супругов – даже если он, любовник одного из застрахованных супругов, сам по себе застрахованным не является.

Так что небесспорно утверждение, будто каждая уродливая семья уродлива по-своему. Если у супругов есть в наличии достаточно солидная страховка, они могут легко заменить *уродство семейной жизни* на *красоту семейной жизни*: такие программы доступны для покупки – в равной степени через оптовую и розничную торговую сеть, их только следует грамотно инсталлировать. И тут на помощь своевременно приходит семейный психотерапевт.

Ну, семейный психотерапевт – это вам не еврейский раввин, так что не стоит от него дожидаться каких-либо патетических восклицаний, мудрых мыслей или просветляющих откровений. Семейный психотерапевт не станет углубляться ни в какой талмуд – и не возьмётся давать вам иносказательные (т. е. полностью затуманенные ближневосточной элоквенцией) указания. Он не станет одаривать вас и прямыми руководствами к действию – например, насчёт последовательного ввода-вывода – в ваше жилище, из вашего жилища – ограниченного контингента коз, свиней, овец и коров.

Ничего из этого семейный психотерапевт делать не будет. Семейный психотерапевт – это не человек в его традиционном (эволюционно-историческом, анатомо-антропологическом, психо-физиологическом, культурологическом) понимании. Семейный терапевт – это суб-человек, роботообразная социальная функция, составляющая в развитом технократическом (хайтэковском, постисторическом) обществе комплементарную часть – к функции адвоката. Психотерапевт и адвокат – работая в упомянутом обществе, по сути, *in cooperation* – составляют взаимонерасторжимое роботообразное устройство; их изначальное разделение – это всего лишь социально-технологическая аналогия гендерного разделения на мужчин и женщин.

То есть: *современное* (читай: «хорошо развитое») общество, в своём апогее, состоит из двух – одинаково прекрасных – половинок: психотерапевтов (психиатров) и адвокатов (юристов). В своём отлаженном взаимодействии и взаимообслу-

живании они являются замкнутыми друг на друге системами и даже, как это иногда кажется со стороны, не нуждаются в каких-либо дополнительных клиентах.

Но клиенты, при вышеозначенных условиях бытования, конечно, не переводятся.

27

Рая и Аад явились на приём к семейному психотерапевту, находясь в стадии двухмесячного разрыва дипломатических отношений. Правда, формальные ритуалы сожительства они по-прежнему выполняли: пили кофе, завтракали, обедали, даже, кажется, осуществляли, по рассеянности, машинальное супружеское соитие, но всё это – принципиально – в полнейшем безъязычии. Казалось даже, что их уговор был таков: кто первый проронит словечко, хотя бы и звукоподражательное, тот заплатит ощутимый денежный штраф – в пользу автоматически выигравшего. И это был редкий, если не единственный, случай, когда своему уговору, посреди шквала явных и затаённых свар, они следовали железно.

Йоост, их маленький сын, в тот период выполнял при них функции, схожие с таковыми Нидерландского посольства. (Которое, напомним, в прошлом веке, с 67-го года и до второй половины 80-х, обеспечивая Израилю фактическое представительство, работало международным посредником между не имевшими дипломатических отношений Израилем и СССР.)

И вот Аад обращался к Йоосту так: скажи своей дорогой мамулечке, что я... (благодаря её уборке, не могу найти своей музыкальной папки) – и Йоост это Рае, стоящей рядом, передавал; Рая же обращалась к Йоосту так: скажи своему бесценному папулечке, что... (синяя кастрюля с компотом, которую он второй день ищет, уже второй день пустая – и находится в мойке), – и Йоост всё это, почти синхронно для Аада (лежащего тут же) озвучивал.

Именно к этому периоду и относится зафиксированный *свидетелем* эпизод их счастливого семейного шествия из детского садика. Ну да, вот этот:

Впереди семенял Йоост, с противным грохотом везя на верёвочке игрушечную машинку. Чуть сзади него, как-то отдельно ото всех, неторопливо шёл Аад с мечтательно-отрешённым выражением по-семейному расплывшего лица, которое, как водится в таких случаях, приобрело черты туповатой барственной вальяжности. Рядом с ним – затравленно, вся настороже, клала-выкладывала большие свои стопы верная Рая, с заботой кошки глядя на сына и с озабоченностью – на супруга.

Весьма даже репрезентативный эпизод, который ни в коей мере не противоречит только что изложенному.

Таким образом, ван дер Брааки отправились к семейному психотерапевту, уже утратив общий язык – даже то бедное бытовое наречие, каким они повседневно пользовались, – и бессознательно рассчитывая также на дополнительные, то есть переводческие, функции психотерапевта. (О чём последний, конечно, предупреждён не был, ибо за работу толмача он бы выставил дополнительный счёт.)

Психотерапевтом оказалась особь формально женского пола, определить гендерную принадлежность которой оказалось возможным только по её имени. Уютно устроившись в кресле напротив Раи и по-пасторски сложив на плоском животе заранее лояльные ладошки, она вмиг словно заразилась оскалом своей клиентки: пресное, невыразительное лицо семейного психотерапевта, словно в кривом зеркале, перекосила ужимка поросычьего бодрячества. В итоге её полуоткрытое ротовое отверстие оказалось где-то в районе правой ушной раковины. Было похоже на то, как если бы у психологини внезапно воспалились сразу несколько ветвей тройничного нерва.

Аад, оказавшись между двумя резко позитивными дамами, то есть подвергшись двойной атаке зубодробительного оптимизма, тоже не выдержал: его смазливая физиономия стареющего нарцисса вмиг потеряла симметрию – и теперь выглядела так, словно её поразил флюс или затяжной лицевой тик.

28

От семейной исцелительницы Рая (в отличие от Аада) вернулась в полном восторге. Ей понравилась синтетическая кофточка семейной исцелительницы. Её подкупила обходительность семейной исцелительницы. Её покорила ум семейной исцелительницы, оформленный университетом с максимальным удобством для общества. И, главное, её полностью пленило домашнее задание, порученное семейной исцелительницей ей и Ааду к следующему визиту.

В задании значилось, что каждый из них должен написать о *партнёре* (так они оба и были названы: «партнёры» – словно игроки в подкидного дурака) – так вот: каждый из них должен был написать о *партнёре* только положительные вещи. С незыблемо-чёткой позитивной установкой.

...Ах, мудрая семейная исцелительница! Наконец-то она, Рая, – впервые за столько лет! – узнает, что хорошего думает о ней Аад. Он сам расскажет об этом. Хотя бы и по бумажке.

По-быстрому завершив хозяйственные дела, Рая включила настольную лампу и села делать домашнее задание.

Часть II. ПАЛАТА ПОСТРАДАВШИХ

1

Домашнее задание Раи

«Мой муж очень красивый. Он также и очень умный. Он хорошо образован. Он работает преподавателем латыни и философии в университете. Он много читает и всем интересуется. Он контролирует своё внутреннее развитие и свой внешний вид. Он любит свои хобби: спорт, бальные танцы, иностранные языки, искусство. Он регулярно следит за политическими и культурными событиями в нашей стране и во всём мире. Он почти никогда не храпит...»

В этом месте Рая задумывается. Глядя на розовый колпачок настольной лампы, она потихоньку начинает соображать, что ничего почему-то не написала об отношении этого таинственного мужа к ней самой. На такой поворот мысли её натолкнула, скорее всего, интимная ассоциация с храпом...

«Мой муж, Аад ван дер Браак, никогда меня не бьёт. Он также не пьёт и не изменяет».

Автоматически накропав сакральную триаду матримониального благоденствия (триаду, экспортированную, конечно, с родины), Рая снова задумывается. Какое там «не изменяет»!

Ясно, как божий день, что изменял, изменяет – и будет изменять. Хотя это даже изменой назвать нельзя: ведь не клялся же он ей, Рае, в верности? Ну а раз клятв верности он не давал, то... Просто ведёт оптимальный, наиболее рациональный для себя образ жизни. Рая обеспечивает ему тыл. А он гарцует на амурных фронтах. Ну, то есть резвится на кучерявой траве-мураве. Это важно для его здоровья и настроения – как фитнес-клуб, как и всё остальное. А здоровье Аада важно для семьи в целом.

Так?

Так.

Тут Рая делает очередное насильственно-позитивное усилие – и додумывает важную мысль до конца: *раз муж кляtv верности жене не давал, то изменяя, он не изменяет*. Ей очень нравится такая формулировка!

Закончив на этой оптимистической ноте домашнее задание, Рая, счастливая, довольная собой, тихохонько ложится под выделенное ей сиротское одеяльце в холодную часть супружеской постели – на пригретой половине которой уже давно поживает Аад и, как всегда, почти не храпит.

2

Домашнее задание Аада

«Раиса хорошо готовит...»

Написав эту фразу, Аад чувствует явное отсутствие вдохновения. Просто какое-то минус-вдохновение посетило его, когда он засел писать это дурацкое сочинение!

Раиса тупа, неразвита... Хотя и работаща, надо отдать ей должное... Но каждый день я сталкиваюсь с такими доисторическими залежами её невежества!.. С таким дурновкусьем!..

Интеллектуальная и артистическая составляющие в ней полностью отсутствуют... Каждый вечер, по наущению своей маменьки, она мажет свои сиськи-письки и сиськи-масиськи какими-то, приворотными, что ли, лосьонами. Тьфу, мерзость какая! Она *позиционирует себя* как кусок мяса (чем, собственно, и является), а мясо, ясное дело, не должно протухать... Она клиническая оптимистка: плюнь ей в глаза – всё Божья роса... Облегчись на чело – именины сердца...

Получается, я совокупаюсь с животным?! Ну да, с животным... Так и есть... Значит я – зоофил?! скотоложец?! Выходит, что так. Но почему же я не живу с козой? Она бы так же, как Рая, бляела, когда я бы её драл, но зато, в отличие от Раисы, не донимала бы меня этими параноидальными установками на «вечный позитив»... Да, но коза не готовит обедов... Коза не стирает... Коза не подбирала бы мне галстуки и носки, когда я бы собирался к любовницам...

Правда, у Раисы есть и ещё одно неоспоримое достоинство: она не философствует. Или *почти* не философствует. То есть, конечно, она пытается найти объяснение уродству нашей совместной жизни, уродливости жизни как таковой – и тогда, вылезая из кожи, подлаживает его, своё объясненьице, под «правильный ответ задачника». Того задачника, который есть на вооружении любой домохозяйки «с запросами». А домохозяйки «с запросами» не посягают на попытки приближения к сути вещей. Суть им и на фиг не нужна. Что с нею, с *сутью* то есть, им делать? *Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать*. Поэтому домохозяйки «с запросами» располагают таким задачиком, где «правильный» ответ, как положено, стоит в самом конце, и этот ответ единственный: «щастье».

Ох, если бы я мог сказать о себе то же, что сказал Цицерон, – *abiit, excessit, evasit, erupit* (ушёл, скрылся, спасся, бежал)!.. Увы, ноги пока коротки. Может, ещё подрастут?..

Моя жена стихийно придерживается, я бы сказал, птоломеевской системы мироустройства. По Раисе получается так, что любые катаклизмы в нашей (как и в любой другой) Вселенной происходят исключительно для того, чтобы она, Раиса, могла спокойно испражняться в тёплой уборной. Вообще – чтобы в тёплых уборных могли спокойно испражняться «все хорошие люди». А если происходит заминка – либо с процессом дефекации, либо с процессом отопления нужников – это, по её мнению, лишний раз подтверждает то, что не нуждается в подтверждениях: всё, что ни делается, – к лучшему.

Правда, когда я на неё прищипываю, она затыкается.

Так что самое изматывающее в ней не это – другое. А именно: что бы ни случилось, с ней, со мной, с миром, она – всенепрерывно – притрётся-притерпится, стерпится-слюбится, *приладится* к любой ситуации – к абсолютно любому положению вещей.

Она, самка, обживёт-обустроит любой ад. Любую помойку. Человечину жрать? – Пожалуйста. Да ещё и кухонную теоричку подведёт, почему это, в конечном итоге, *справедливо и полезно* для всех – в том числе, разумеется, для съедаемых. Экскременты глотать? – и тут у неё с адаптацией не заржавеет. Добавит перчику, специй по вкусу – и, со своей оптимистической улыбкой, – за самую милую душу. Бррр! Вот жаба! Да ещё и детей возьмётся плодить в охотку – для той же помойки! для той же доли!..

Мерзейшая самочья природа. Ну что значит – «самочья»? Это природа отнюдь не *самки* как *таковой*: не будем оскорблять величавых цариц честного царства фауны. Попробуйте-ка – ха-ха! – так запросто случить кошку – или, например, суку с «неправильным» партнёром! Да они скорей околеют, чем дадут *поцелуй без любви!* В смысле: без любви ответной...

Так что я имею в виду именно *человеческую самку*, самую чудовищную из всех.

Тысячу раз прав был Вайнингер, ненавидевший самочье начало в человеке – тупое, аморфное, болотистое, изначально и навсегда заземлённое. Безвольное и агрессивное одновременно. Если бы я, как он, нашёл *подходящее место ухода*, может, тоже бы застрелился...

На Востоке – то же самое... именно Инь считается тёмным началом. Маленькую надежду дарит мне лишь то, что, как считается там же, Инь и Янь *почти* всегда существуют во взаимодействии. И вот это слово «почти» – почти слово – крохотный зазор – дарит мне крупицу надежды...

Да ладно, о чём это я? Мне надо ведь домашнее задание делать: супруге дидирамбы петь. Господи, какая же она всё-таки черномысляя!.. Однако весёленькое всё-таки задание придумала эта кастрированная вобла на договоре...

Сугубо технически – вероятно, это возможно: сыграть ноктюрн на водосливном бачке. Ну, как-нибудь там изловчившись. *Настоящий музыкант*, безусловно, сыграет. А плохому, что ни говори, собственные руки помеха. Но вообще-то для исполнения ноктюрна созданы, как ни странно, фортепьяно, флейта и скрипка. Они, как ни крути, лучше подходят для этой цели...

Меня же, *при отсутствии подлинного инструмента*, пытаются убедить, что сыграть ноктюрн можно (и даже нужно!) *на чём угодно*. На первом подвернувшемся предмете. Ага. На тефлоновой сковородке под аккомпанемент крышки от новой гусятницы.

Итак, *в первом подвернувшемся предмете* (схваченном не мной как таковым – но моим желудочным и половым инстинктом) мне, по заданию психолога, *надлежит разглядеть* (по-рачьи тараща органы зрения в течение моей единственной жизни) – мне *надлежит разглядеть* фортепьяно, флейту или же скрипку... О волшебные музыкальные инструменты, скрытые от непроницательных взоров обманной оболочкой водосливного бачка! То есть именно в непрерывном наличии музыки за этим, чёрт поberi, канализационным атрибутом – я должен убедить себя сам... Вот уроды!

Но что мне делать? Если я навешу нудный хомут повседневного сожительства на одну из трёх своих нынешних любовниц (соответственно фортепьяно, флейту и скрипку), каждая из них, рано или поздно, превратится в водосливной бачок... Это неизбежно.

На мою удачу, Раечка не знакома с классиками даже так называемой «родной литературы». Вообще – она знакома с родной культурой не больше, чем средне-статистический иностранец... Слишком рано ринулась, бедолага, из родительских

угодий за гламурно-глянцевым своим счастьем... А что в результате своей охоты получила? Её простодушный прицел полностью сожрала ржавчина традиционного для их этносов рабства...

Возьму-ка я продукцию их известного бабника и картёжника (ну и, разумеется, резонёра по совместительству). Она, как нельзя лучше, предоставляет любому версифицирующему привольный диапазон для импровизаций...

С этими мыслями Аад жадно накинулся на клавиатуру – и... Мгновенно, из той же клавиатуры, вынырнул – и впрыгнул в Аада ловкий орфический бес... В течение сладкой четверти часа Аад и бес развлекали друг друга – вакхически-солнечно и безоблачно, в невинной салонно-альбомной форме.

(Стишок Аада «по случаю» – написан, соответственно, на нидерландском языке. Ниже дан его авторизованный перевод. – *Примечание Первого свидетеля.*)

ПАНЕГИРИК РАИСЕ, МОЕЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЕ

Любые скандалы выносит,
Всегда терпелива, ровна...
И денег на тряпки не просит,
Брильянтов не носит она!

В ней крепко живёт пониманье:
Без мужа она – круглый ноль.
Хоть муж ей – одно наказание,
Позор, униженье и боль.

Этап каждый день у нас – «новый»,
Коль бреду поверить её.
Оковы ей – счастья подковы.
Бедлам – разлюли-прожитьё.

В дешёвую мчится киношку –
Кормить канареечный мозг,
Страстишек хлебнуть понарошку,
И *трепетно таять*, как воск.

А дома – такое же стойло,
Как было, как будет – всегда.
Но сладко *привычное пойло*...
Горит меж ногами – звезда!

Часть III. УПРАЖНЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ «ЛЮБИТЬ»

(письменные показания Первого брачного свидетеля: продолжение)

1

...В следующую среду в кабинете психотерапевта Рая, равно как и семейная исцелительница, пришла в полный восторг от бойких куплетиков Аада (последнюю строфу которых он, глумливый, даже пропел). Обе дамы крайне редко сталкивались со стихами – с *искусством* вообще, – да и где с ним в повседневной жизни столкнёшься? (Надо ведь чем-то питаться! – о да! – надо ведь платить за квартиру – о да! Etc.). Короче говоря, трогательная неискущённость привела зрительниц к тому, что обе они, несмотря на значительную разницу в своём образовательном

статусе, с единодушным ошеломлением восприняли ловкие фокусы рифм (как ребятишки из простонародья воспринимают цирковые номера) – при этом целиком упустив самый смысл.

Семейная исцелительница даже сделала *профессиональное заключение*, что раз муж посвящает жене стихи, – это является неоспоримым проявлением его (то есть мужа) к ней (то есть к жене) *любви*. О какой муж, вероятно, и сам ещё не догадывается! И Рая – даже раньше, чем был поставлен этот диагноз, – с таким положением дел согласилась.

2

А вскоре Аад сократил число своих любовниц до одной. На что Рая дала ему строго симметричный ответ: она родила одного ребёнка. (В смысле: ещё одного – к уже имевшему место быть.) Мальчик был назван Аад.

Прирост семейства ван дер Брааков однозначно показывает, что Рая не позволила себя провести на зажёванной мякине. Может, кому-нибудь, менее битому, резкое сокращение штата аманток показалось бы отрядным симптомом – и даже плодотворным результатом посещений семейного психотерапевта, но...

Но, на сей раз, не Рае. Мощный инстинкт «плодовитой самки» (Л. Н. Т.) в совокупности с эмпирической, уже немалой, поднаторелостью, помог ей восчувствовать – безо всякого суфлёрства мамыши и даже без помощи Клуба, – что пока Аад шатался туда-сюда развесёлый, пока телефон звонил ему самыми разными женскими голосами и от него веяло самыми разнообразными духами, – семейный барометр показывал «ясно». Но когда Аад стал ходить смурной... И когда поднятая ею трубка телефона стала зловеще молчать... Да, молчать – одним и тем же женским голосом... И когда от Аада стало разить одним и тем же каверзным парфюмом «Bruno Banani»... И когда он как-то странно начал поглядывать на чемодан...

Раиса поступила так, как поступила бы на её месте всякая другая *берегиня очага*: она ринулась цементировать семейные руины. Точнее: она ринулась цементировать семейные руины жестоким, но отлично проверенным способом. А именно: она ринулась цементировать семейные руины живой жизнью ни в чём не повинного существа.

Библейскими хитростями и мифологически изошрёнными самоунижениями – она добыла-таки семени своего малодушного супруга (уже стоявшего одной ногой в квартире избранницы) – и, как было сказано выше, вызвала к этой страшной жизни ещё одно существо, превратив невесомый свет далёких звёзд в три килограмма и сто пятьдесят граммов красного, орущего мяса.

Однако уже через два года после этого семейного торжества соседи, то есть очевидцы поневоле, шумно заявляли друг другу в ближайшей пивной, что видели Аада, загружавшего ярко-жёлтый итальянский чемодан в багажник своей «мазды». И это при том, что до периода отпусков было ещё весьма далеко!

Затем очевидцы-соседи отметили, что фигура Раисы, придирчиво выбиравшей зелень в овощной лавке, вроде как раздалась.

Народные приметы оказались верны. Раиса родила ещё одного ребёнка. Она назвала его, конечно же, Радомир.

И вот тут выверенная веками *мудрость народных примет* полностью восторжествовала над статистически оснащённой наукой социологией, этнографией и демографией вместе взятыми. Очевидцы-соседи (а по совместительству завсегда-таи ближайшей от дома ван дер Брааков пивной) вывели, между двумя кружками пива (все великие открытия в этом мире совершаются между делом), общий закон. Этот закон устанавливает жёсткую корреляцию между гражданским статусом поголовья народонаселения – и условиями его, народонаселения, прироста. Назвали закон фамилиями открывших его очевидцев-соседей – Хичкока и Линча.

Звучит закон Хичкока – Линча так:
РОЖДЕНИЕ ВТОРОГО
И ВСЕХ ПОСЛЕДУЮЩИХ ДЕТЕЙ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ СЕМЬЕ
ЯВЛЯЕТСЯ ИНДИКАТОРОМ ТОГО,
ЧТО СУПРУГИ, К МОМЕНТУ ЗАЧАТИЯ,
НАХОДИЛИСЬ НА ГРАНИ РАЗВОДА.

Через год этот закон, в общедоступных визуальных образах, был проиллюстрирован снова: Аад выгрузил возле двери (на которой по-прежнему сияла латунная дощечка «AAD & RAYA van der BRAAK») три новых чемодана. Далее всё шло по известной схеме: через несколько месяцев очевидцы-соседи видели сильно расплывшую Раю, которая, на сей раз, придирчиво копошилась, как мышь, в крупах бакалейной лавки; затем все знакомые, в том числе упомянутые соседи (всегда готовые на роль понятых), получили открытку, украшенную розовыми маргаритками и весьма озабоченным харизматическим аистом. Открытка оповещала, что Рая благополучно разрешилась от бремени, родив девочку, которую назвали в честь отца Адой; ещё через три месяца Аад погрузил в багажник своего белого «пежо» чёрный, синий и красный французские чемоданы и уехал далеко – не в смысле географических координат, но именно что в смысле мировоззренческого ощущения; после чего, через полгода, соседи вновь получили открытку – на которой в качестве скромного иллюстративного украшения чернело сломанное деревце – и было вписано краткое сообщение о том, что Раиса (Рая) ван дер Браак, урождённая Голопятко, супруга Аада ван дер Браака, мать Йооста, Аада-младшего, Радоми-ра и Ады ван дер Брааков, дочь Ефросиньи и Василия Голопятко, сестра Эсмеральды и Карменситы Голопятко, скоростижно скончалась.

Часть IV. THE SECOND OPINION

(письменные показания Второго брачного свидетеля)

1

Смерть Раи вовсе не была предусмотрена законом Хичкока – Линча. Она осуществилась в соответствии с какими-то другими закономерностями – то ли общей амортизации Раиного организма, то ли изношенности её нервной системы, то ли не признающим законов милосердием Божьим. А вы небось себе вообразили, – что эта лихоманка, свистопляска, однообразная бодяга – так и будут себе трюхать-шкандыбать – по кругу, по кругу – *ad infinitum* (до бесконечности)? Или, как минимум, – до смерти в *почтенной старости*?

Ну, во-первых, на протяжении человеческой жизни, протекающей в невзыскательных формах минимализма, немилосердно укороченной вдобавок к тому же кухонными афронтами, а также интегрированными в брачную жизнь приёмами восточного боя (ёко мен учи, атеми, муна цуки, тэнчи наге, шомен учи и т. д.) – на протяжении такой-то жизнёнки уж точно ничего бесконечного не случается. Такая жизнёнка вряд ли даже где и пересекается с осью вечности. Касательно же понятия «трюхать-шкандыбать до смерти», то именно так оно, как мы сами можем убедиться, и случилось, только смерть Раи наступила на полвека раньше среднестатистического срока – и притом во сне. Опять же – по милосердию Божьему.

2

После похорон, которые прошли с обычной протестантской сдержанностью, включая также и финансовую сторону вопроса, немногочисленные сопровождаю-

щие вернулись с Аадом в его дом. Соратниц Раи по Клубу не было: Аад их знать не знал – и не испытывал ни малейшей потребности знакомиться с ними на похоронах жены.

Дети – Йоост, Аад-младший, Радомир и маленькая Ада – были заранее отправлены к Аадовой незамужней сестре. Зато по всем комнатам бегали, в количестве трёх, маленькие дети его замужней племянницы. Они создавали невероятный шум. Отсутствие детей Раи – и словно замена их другими, никогда не виденными мной детьми, – создавали такой странный эффект, будто и синее небо за окном (стоял май) сейчас вынесут прочь, обнажив страшный, не представимый до того задник... А затем, дав зрителю вволю налюбоваться этим задником, уже навсегда – внесут ночь.

И тут позвонила Раина мать.

Из Киева.

Это показывал определитель номера.

А откуда же ещё она могла звонить? Аад, по малодушию, не сообщил ей, что её дочь умерла.

Более того: предвидя её регулярную еженедельную интервенцию, Аад запретил мне брать трубку. Я мгновенно вспомнила (не забывала никогда), как он то же самое запрещал Рае в первый год её жизни здесь... («А разве это жизнь?..»)

После десяти изматывающих звонков включился наконец автоответчик. Голос Аада сообщил: вы, дескать, звоните в квартиру Аада, Раисы, Йооста, Аада-младшего, Радомира и Ады ван дер Брааков; он извинился, что сейчас все заняты, и просил оставить сообщение после сигнала.

Писк сигнала.

Почти мужской, напористый голос (фрикативное «г» – расставить по вкусу) врывается, словно шаровая молния:

– Райка!.. Раиска!.. Куда вы там все подевались?.. Райка, с малой гуляешь, что ли?.. послушай... что я хотела тебе сказать... всё время забываю... Как проснёшься или с прогулки вернёшься, я не знаю... ты это... Раиска, послушай мать! Ты – когда своему последний раз нормальный борщ варила? С этими твоими, как его, козами-токсикозами (*смешок*), – ты не забыла хоть, как борщ нормальный варить? Мужа всегда, запомни это, надо кормить сытно...

В это время один из детей Аадовой племянницы, мальчик лет четырёх, вбежал в гостиную, держа в руках красно-синий мячик, – и тут же мячик выпустил, обомлев от странной интонации... смешного языка... А вдруг это Чёрный Пит звонит?! Чтобы заранее узнать, какие подарки привезти через полгода?! Малыш ринулся к телефону.

Я перехватила его за метр до телефонной трубки. На протяжении последующей рецептурно-кулинарной фиоритуры мои руки, как две змеи, крепко обвивали тело мальчишки, который орал и вырывался с суммарной силой Лаокоона и обоих его сыновей. В гостиную заглянул Аад и, сделав усиленно-страдальческую физиономию, а также энергично кивнув, дал мне тем знать, что я поступаю правильно – и должна продолжать в том же духе. После чего он скрылся в своём кабинете, где его ждали несколько человек с похорон.

... – Значит, так. Покупаешь это, говядину на косточке... обязательно хороший кусочек бери... Свинину не бери, твой есть не будет, он же, это... как еврей у тебя... (*Смешок*). Залила его, значит, в кастрюлечке водичкою, не багато воды, только залей, довела до кипения – и вот варишь на сла-а-беньком таком огонёчке хвильночек сорок – сорок пять... Ну, бурячочек подбери – ни большой, ни маленький... средненький такой... штучки две-три... (*В сторону: «Почекай, почекай!»*) Ой, Рая, это! Я потом ещё позвоню... твой батька зовёт... там фильм... с этой, как её... ну, ещё в этой комедии... ну, как его... про таксиста и проститутку... (*В сторону.*) Да сейчас я, сейчас! вот пристал!.. Рая, ты мне скажи: ты хоть волосы на ногах

себе броешь? После четвёртых-то родов могут си-и-ильно волосы на ногах пойти... С головы повапаться, а на ногах пойти... Ты от матери-то проблем не ховай... Всё! перезвоню!..

В это время я чуть не вскрикнула. В воздухе мелькнуло Раино лицо. В нём было что-то незнакомое, чему я не знаю названия. Знаменитой улыбочки – не было.

– Was het Zwarte Piet die gebeld heeft?!⁵ – сердито спросил меня освобождённый мальчик.

– Nee lieverd... Het was geen Zwarte Piet...

– Wie dan wel? ⁶

Я пожалала плечами, развела руками, выразительно подняла брови: geen idée.⁷

– Wat voor taal was het?..⁸ – не отставал ребёнок.

Мне почему-то захотелось сказать: это был язык далёкого острова Мапуту... Но я сказала правду, как взрослому:

– Het was de Russische taal. Vijna.⁹

3

Письмо Второго брачного свидетеля Ааду ван дер Браак

(перевод с нидерландского)

«Господин ван дер Браак!

Поскольку после смерти Раи мои с Вами отношения сами собой прекратились, я решила прибегнуть к письменной форме, чтобы изложить некоторые факты, касающиеся Вашей бывшей жены.

Эти факты, я уверена, совершенно Вам не известны. Или они известны Вам в той малой степени, которая не позволит отцу четверых детей воссоздать для них портрет умершей матери.

Единственное сомнение, которое меня беспокоит, – это степень Вашего к моему рассказу доверия. Будучи философом, да и попросту "взрослым человеком", Вы, возможно, заключите нечто вроде того, что не существует единой истины – равно как и единого человеческого образа. Это положение я не собираюсь оспаривать. Я только обозначу свою точку зрения. Хотя я собираюсь дать не только свою оценку некоторым проявлениям Раиной природы, но перечислить именно факты.

Вы скажете: факты – такой же блеф, как и всё остальное: перчаточка, ловко выворачиваемая свидетелем (историком) в угоду осознанной или бессознательной лжи. И потом: что значат "голые факты", если мы не знаем – и никогда не узнаем – их подоплёки?

А на это я отвечу: господин ван дер Браак, пожалуйста, не втягивайте меня в дебри пустопорожней схоластики. Ибо речевые навыки у меня развиты не хуже, если не лучше Вашего, – и Вы это отлично знаете.

Тем не менее, я прошу простить мне это агрессивное, явно неполиткорректное вступление. Такой тон отчасти вызван тем, что это – единственное письмо, которое я Вам пишу. Я не буду вступать с Вами в дискуссию, если Вы откликнетесь. Наши отношения, повторяю, пришли к естественному концу. И потому в данном письме я должна предугадать Ваши возражения и заранее их отместить.

⁵ Это Чёрный Пит звонил? (нидерландск; данный персонаж рождественской мистерии помогает Санта-Клаусу разносить подарки (прим. автора).

⁶ Нет, милый. Это был совсем не Чёрный Пит. Так кто же?

⁷ Не знаю.

⁸ Что за язык это был?

⁹ Это был русский язык. Почти.

Начну не в хронологическом порядке, а с тех фактов, которые самостоятельно встают в первый ряд.

...Когда меня, превратив в мешок костей, а затем в гипсовый кокон, сбил, на полном ходу, "мерседес-эскорт", – когда меня, как подержанную вещь, в течение долгих месяцев перетаскивали с операционного стола – на койку – и снова на операционный стол, затем на каталку, на инвалидную коляску – и снова на операционный стол, а я была тогда без языка, без документов и без единого цента в кармане, – моим единственным посетителем была Рая.

Её визиты начинались с того, что первым в дверях палаты появлялся её беременный живот. У неё был тогда невероятный токсикоз – ну, Вы помните. Занимаясь мной, она по многу раз выскакивала из палаты... Впархивала же – с неизменно лучезарной улыбкой. (Именно – впархивала! С таким-то беременным животом!) В тот период эта её знаменитая лучезарность ещё не была у Раи приклеенной...

Я написала, что Рая была единственной. Историк должен стремиться к точности. По крайней мере, цифр. Формально говоря, ко мне заскакивали, в сумме, ещё трое. Но, как бы это сказать... Здесь кроется некий нюанс, который я должна Вам пояснить, потому что Вы не располагаете таким background'ом, как я, и Вам не с чем сравнивать.

Видите ли, в нидерландской больнице посетителю, между нами говоря, нечего делать. Он не выполняет там, как это принято на моей бывшей родине, функций санитарки, медсестры, медбрата, врача, фармацевта, аптекаря, психолога, лечебного физкультурника, физиотерапевта, массажиста, снабженца, повара, гигиениста и, конечно же, несякнущего источника взяток. (Там, в моём прошлом, посетитель не выполнял функций разве что патологоанатома. Но – времена сейчас "новые", так что я не уверена в этом до конца.) А здесь, в Королевстве, – здесь посетитель должен лишь приятно и ненапряженно общаться с недужным. Взаимно наслаждаться, так сказать, *роскошью человеческого общения*. В разнообразных стилях: "семейном", "добрых знакомых", "старых сослуживцев", "таких дружных соседей", которые как родственники", "просто соседей".

Вот с этим-то зачастую и получается сбой. Если люди за стенами больницы никак не общаются, не умеют – то с чего у них вдруг именно в больнице это получится? Ясно, что дельце вряд ли выгорит.

А потом: что значит "приятно, ненапряжённо"? Приятно – значит, по крайней мере, "не неприятно", а ненапряжённо значит – "легко" и, большей частью, "очень напряжённо, ибо лживо". Но "не неприятно" общаться трудно, а "легко" – трудно до полной невозможности. Поэтому человеческое общение заменяется "контактом" (зловещее словцо из арсенала дерматовенерологов, шпионов и электромонтёров) – а на кой чёрт эти формальности нужны больному? Лучше уж мирно и нежливо дремать в дегенерирующих лучах телика.

С Раей было не так. Мало того, что души в ней содержалось – хоть с кашей ешь (ну, это Вы знаете), но она понимала, что и в нидерландской больнице (которая представляет собой воплощённый рай даже для отъявленных атеистов Второго и Третьего мира), не всё идеально. Особенно далека эта больница от идеала – для закованного в гипс индивида, который неделями существует между таинственными металлическими устройствами (как в фильме Кубрика "Космическая одиссея 2001-го года") – с задранной нижней конечностью и нелепо вытянутой верхней: ни дать ни взять – астронавт, парящий в пространстве одинокой космической станции и не знающий позывных.

В то время как три мои упомянутых посетителя приходили, садились и принимались на меня молча смотреть (а я – на них – насколько позволяли шейные позвонки): что-то среднее между игрой в гляделки и сеансом взаимного гипноза – в это самое, равно как и в другое время, Раиса мне что-нибудь готовила (это в нидер-

ландской-то лечебнице!). Она каким-то образом сообразила (знала от рождения, как и многое другое), что больничное меню, сопоставимое с таковым питерских ресторанов моей юности, всё равно не содержит и не может содержать "витамина Д" – ну да: дружбы, доброты, действенной помощи. И вот она быстрыми-быстрыми беличьими движениями готовила мне какие-то маленькие, очень красивые (и очень вкусные!) бутербродики – а я чувствовала себя пятилетней (это при том, что Рая была значительно моложе меня) – какой я была, когда бабушка нарезала для меня, ничего не желавшей есть, маленькие кусочки хлеба с сыром и колбасой – и, смешно называя их "солдатики", "квадратики", "гусарики", "драгунчики", – кое-что умудрялась мне скармливать.

И ещё Рая приносила мне самодельные компоты и самодельные морсы – и это при том, что уже в вестибюле самого Медицинского центра располагались два кафе и три магазина, где можно было купить десятки наименований какого угодно питья. Но нет: Рая, мучимая токсикозом, варила мне кисели... выжимала вручную соки... Да, у неё, конечно, был *гипервитаминоз "Д"*...

Нет смысла перечислять отдельные эпизоды в поведении человека, который в любой ситуации, в паре с любым человеком, в группе любых людей брал всю ответственность на себя. Не взваливал, а именно спокойно брал. Потому что любая ответственность ему была по плечу. И все с облегчением эту ответственность на "того человека" перекладывали.

Глупо получается, правда? Будто пишу я некролог. Хотя – почти так и есть.

"Почти" – потому что это письмо давным-давно было у меня готово. Я просто всё не решалась Вам его отдать. При Раиной жизни. Как я могла вмешиваться?!

Тем более, Рая была Вами словно зомбирована... Теперь я его подправила. Кроме прочего: поставила глаголы действия, имеющие отношение к Рае, в прошедшее время. Все до единого.

Почему я рассказываю так подробно про её *гиперавитаминоз "Д"*? Пишу я об этой стороне её натуры – стороне, которая Вам-то как раз была отлично известна, лучше других – пишу об этой стороне натуры, благодаря которой Рае сначала было позволено встать на специальный коврик в мэрии, пред ликом королевы Беатрикс; затем, через год, было разрешено отзывать на телефонные звонки в квартире любимого человека, затем – даже перебраться с подстилки в кухне на супружескую кровать; затем – зачинать, вынашивать и рожать детей; затем – детей растить, вести дом, тащить на себе весь быт – и, наконец, благодаря той же самой стороне натуры, Рае было позволено *уйти молодой* – освободиться, "откинуться". Это как раз та самая сторона, которую я назыву, если давать "диагноз" подробней, *безмерной добротой и беспредельной силой*. Так вот: пишу я обо всём этом только для того, чтобы задать Вам два вопроса.

Как это получилось, что в процессе вашей совместной жизни (ну да: "А разве это жизнь!") она так разительно изменилась?

И ещё: как это получилось, что ничего или почти ничего не осталось от прежней Раи, – даже и в том частном проявлении, в каком она, с несвойственной ей стержовностью, умудрилась ко всему приспособить на стержовной своей работе?

Вопросы, конечно, сугубо риторические.

...Последние годы перед её смертью я даже стала бояться таких дат, как Новый год, православное Рождество, старый Новый год и, конечно, Международный женский день Восьмое марта.

Дело в том, что во все эти дни Раиса непременно рассылала своим русскоязычным знакомым (включая, конечно, меня), страшные электронные открытки. Она рассылала их *скопом* (не знаю и знать не хочу знать "правильного" электронного

термина): одна внеперсональная открытка – одним нажатием кнопки – отправлялась сразу трём дюжинам мгновенно обезличенных адресатов.

Такого рода типовая открытка была исполнена в стиле оптимизма американских комиксов. Кишение-роение поэтических образов составляли: забавные звёздочки, трогательные грибочки, мультяшные кошечки, цветочки, задницы в виде сердечек, сердечки в виде задниц (такая вот закономерная семантическая конверсия, неизбежная анатомическая трансформация); короче –

I ♥ U!!!

Это были именно те самые образцы визуального искусства, которые продуцируются и потребляются таинственными (хотя и составляющими агрессивное большинство) существами – теми самыми, чей IQ прочно оккупировал зону отрицательных чисел – и чьи ближайшие предки переболели культурой, как корью, приобретая к ней стойкий – и даже генетически передаваемый иммунитет. В открытках было уже всё написано – и поздравление, и пожелания. Рая ван дер Браак ставила только свою подпись: Рая ван дер Браак.

Русскоязычные приятельницы Раи, – дамы, в массе своей, прямо скажем, не самой тонкой организации, перестали ей отвечать. Это, разумеется, не было бойкотом Раиному (развившемуся резко, как флюс) дурному вкусу. Это не было саботажем махрового, внезапно расцветшего её бездушия. Это не было игнорированием и самой поздравительницы – в ответ на игнорирование поздравительницей всего сразу: адресатов, личных отношений с адресатами, индивидуальных особенностей адресатов, традиции, своей индивидуальности, в конце концов.

Это был испуг в химически чистом виде. Дамы из клуба "Русские Присоски" (о котором, Вы, наверное, слышали), не перегруженные "чувством прекрасного" даже в его портативном варианте, – даже они, дамы, впадали от этих открыток в сплин. Точнее, в русскую хандру.

Почему?

Да потому, что открытки подписывала, на их взгляд, не Рая. Это делал какой-то другой человек, никому из её знакомых не известный. Возможно, открытки подписывало даже электронное устройство. Но куда же делась сама Рая? Была ли она оборотнем? Или законный супруг, то есть Вы, господин ван дер Браак, подменили её удобным для себя двойником, а настоящую Раю замуровали в холдной стене – где-то между ватерклозетом и кладовой?

Страшно наблюдать, когда большой и яркий человек – всю свою громадность, все свои силы – направляет исключительно на то, чтобы стать маленьким и незаметным.

О ком идёт речь?

Кто – этот яркий и сильный человек?

Да Рая же, Рая.

Сейчас я сделаю ещё одно признание. Я обязана его сделать. И мне безразлична Ваша реакция, господин ван дер Браак. Но прежде чем Вы дадите волю своей реакции (недоумения, переходящего в откровенную насмешку), примите, пожалуйста, во внимание следующее: круг моего общения составляют люди талантливые, притом настоящие профессионалы в своих сферах. Это отнюдь не "гении местных масштабов". То есть когда я пишу о Рае, поверьте, мне есть с кем сравнить.

Так вот: Рая была талантливей всех. Просто она была неразвита. Да-да: я не встречала человека, одарённого природой щедрее, чем Рая. В чём же именно проявлялись задатки её талантов? Да во всём!

Напишу сейчас только об её актёрском таланте. В России когда-то блистала феерическая личность – Фаина Раневская. На небосклоне российских звёзд, да

и не только российских, – увы, невозможно обнаружить талант сходной природы, мощи, цельности, шарма.

Так принято думать.

Так думала и я.

Пока не встретила Раю.

У Раи именно такой-то талант и был. Она играла постоянно. Она играла легко, смело. Она играла свободно, даже не понимая, что играет. До замужества Рая вообще не существовала в быте, она его невольна – именно невольна – обыгрывала, яростно перепальывала своими остротами, лицедейски переиначивала. Всё её поведение, включая непредсказуемые повороты мысли, пение, речь, жесты – были мощным, сверкающим каскадом чистейшей импровизации, которую я нахожу гениальной; её комические переходы, перепады, эскапады были ошеломляющи. И вот – может быть, главное, чем обладала Рая и что встречается крайне редко даже у профессиональных актрис: *она не боялась быть некрасивой*. Она не боялась быть и смешной. Она вообще ничего не боялась.

Никогда не забуду, как она, в ходе рассказа или действия, вдруг начинала с комической деловитостью наматывать белокурый локон на палец, притом держа перст возле самого своего носа, скашивая на него голубые (бесовские) глаза – и медленно, раздумчиво произнося: "Я сошла с ума... Кажется, я сошла с ума..." – именно так, как делала это Раневская в одном из послевоенных культовых фильмов...

В этой дежурной сценке содержалась, кстати сказать, ироническая, то есть очень трезвая оценка своих действий. О, Рая отлично понимала, куда, вцепившись ей в светло-русую гриву, влечёт её, Раю, женский *рок событий* – в какую душегубку заталкивает её брачный гон, – она всё понимала, но, скажите, кто и когда мог противостоять этому гону (року)?

Представляю (точнее, даже не могу представить), с каким энтузиазмом Вы встряхиваете сейчас головой. Вам кажется, что Вы спите – и там, во сне, читаете моё письмо. И, во что бы то ни стало, Вы пытаетесь проснуться.

Я Вас понимаю. Да и кто б Вас не понял? Получается, что Вы прожили жизнь с другим человеком. Не с тем, которого, как казалось Вам, Вы знали наизусть. Чертовщина какая-то, верно?

Это мягко говоря.

Но, господин ван дер Браак, знаете, бывают испытания и похуже. Персонаж одного французского классика теряет жену – и, по этому поводу, соответственно, убивается. Он полагает, что не переживёт её смерти. Но вот через пару дней выясняется, что она была совсем не той, за кого он её принимал. Не той, с кем – как с примерной женой – жил много лет. Она была высокооплачиваемой куртизанкой. Муж, вдругорядь, прибит.

Но французскому классику и этого мало. Он делает так: через пару дней вдовец продаёт женины, заработанные в чужих постелях, украшения, обретает неведомое доселе материальное благополучие – и полностью утешается. Именно – утешается, вкушая закрытые для него доселе радости жизни. Хотя получается, что он сам – вовсе не тот, за кого всю жизнь себя принимал.

И вот этот, третий, самый сокрушительный, удар автор наносит не персонажу (того уже ничем не пронять), а непосредственно читателю.

Ваше положение, господин ван дер Браак, мне представляется полярно обратным. Вы считали, что живёте с тупой коровой – и вот Вам говорят: это была женщина моцартианской одарённости.

Здесь нет противоречия. Коровой она стала, так скажем, *в процессе*. Да и предпосылки к тому были, прямо заявим, коровьи. То есть совсем иные, чем у

Вас. Нищета, тупость и деспотизм окружения, беженство, бездомность, потеряность во вселенной вплоть до чувства абсолютного своего исчезновения – когда смотришь в зеркало, и там тебя нет, – да: потеряность во вселенной вплоть до чувства абсолютного своего исчезновения – и не только в экзистенциальном смысле, уверяю Вас! – что Вы обо всём этом знаете?

Я никогда не считала Вас интеллектуалом – несмотря на два Ваших университетских образования, множество языков и умение себя подавать (в том числе: продавать). Я всегда видела и продолжаю видеть в Вас тривиального начётчика. Вы знаете наизусть каталоги сочинений Баха, Генделя, Моцарта, Малера – в хронологическом, алфавитном, номерном – и прочем порядке, который только возможно изобрести для пущего комфорта консьюмериста. Вы потребляете музыку (как и остальные изделия из "мира прекрасного") таким тщательно просчитанным образом, чтобы она доносила до Вашего оранжерейного мозга "правильную" дозу питательных веществ, микроэлементов и витаминов, но, чтобы Вы, не дай бог, не схлопотали себе от нее какого-либо "потрясения". А что именно могло бы в Вас быть потрясенным, господин ван дер Браак? Вы не содержите субстанции, которая изобретена природой для высоких эмоциональных потрясений; более того: Вы являете собой конструкцию с надёжной anti-shake программой, инсталлированной в Вас самим социумом.

Если Ваша ярость сейчас окажется несколько слабее любопытства, остаётся некоторая вероятность, что Вы чтение моего письма продолжите. Так вот: в сравнении с Вашей неразвитой, недостаточно образованной, но крупномасштабной от природы женой – Вы всегда казались мне бездарным недоразумением. Скучнейшим следствием мёртвой, трусливой, сугубо мозговой учёности. Или так: закономерной, немного комической, издержкой высшего образования – беспроблемного для людей, живущих в ситуации непоколебимой стабильности. Мне было мучительно наблюдать, как Раиса, эта микеланджеловская сивилла, яростно стёсывает свои могучие формы, чтобы сделаться, под стать Вам, чистеньким, молочнобелым бильярдным шаром.

И вот какие сцены происходили между нею и мной – ещё до вступления её на скользкий путь супружеского благоденствия – до её выхода на этот гололёд, где она, собственно говоря, и сломала себе шею. (Жалею, что этого не произошло с ней раньше, дабы она могла избежать пути закономерной и бессознательно-целенаправленной деградации.) Да: так какие же сцены происходили между мною и ею?

А такие вот: я, глядя на неё, слушая её рассказы, то и дело вскрикивала: Рая, как Вы талантливы! Как Вы баснословно талантливы! Вам необходимо учиться!

Что она, неизменно, пропускала мимо души. Там, внутри её души, пронзая алмазными лучами околосземное пространство, обосновался Рыцарь-на-Белом-Коне.

То есть Вы.

Тогда я увеличивала громкость: Рая!! Поверьте мне!! Я отлично знаю, что говорю!! На свете найдётся, может быть, три человека, которым я сказала такие слова!!

Ноль внимания. Мечтательная улыбка девочки-женщины. Мысли о Вас, прекрасном, занебесном женихе.

Тогда я хватала её за грудки, с силой трясла – и кричала во всю мощь: Раиса!!! Услышьте меня!!! Внемлите!!! Не губите себя!!!

Ответом мне служила её – всё нарастающая – загадочная улыбка – розово-карамельная, жемчужная, сияющая раем, – улыбка, которая в ту пору ещё не была приклеенной.

Моё письмо движется к своему крещендо. Можете не дочитывать. Мне это, собственно говоря, всё равно. А ей и подавно. Пишу сугубо для себя.

Пишу вот что: один талантливый поэт сказал о другом, умершем, чей талант был ещё больше: знаете, он был не только талантлив, он ещё отличался самыми разнообразными способностями. – Способностями? – переспросили окружающие. – Это вы так-то – про гения? Способностями – к чему? – Ко всему, – было ответом. – К языкам, к автовождению, к музыке, к спорту...

Вот так же и я – про Раю. Она, от природы, была фантастически обучаемой. А учиться ей не довелось почти нигде. Не считая там и сям нахватанных курсов – нидерландского языка, бухгалтерского дела, чего-то ещё...

Да, кстати: помните эти курсы автовождения? Помните, как она, сдав экзамен с первого раза, что бывает уже само по себе нечасто, – как она, сдав экзамен в одиннадцать часов утра, – в час дня уже сидела за рулём Вашего голубого опеля, держа путь на другой конец Европы? Рядом с ней, блаженно погрузившись в сладкую праздность, развалились Вы, а на заднем сидении спокойно спал Ваш первенец, Йоост, – и Вы тоже могли спокойно спать, слушать музыку, пить пиво, читать – делать всё что угодно, потому что на этом пути к благословенному месту летних вакаций – да и на всяком ином пути – Вы имели полный набор оснований, чтобы доверить Раисе жизнь своего сына, всех последующих своих детей – и свою собственную.

Я написала, что она не боялась быть некрасивой. Из этого трудно заключить, какой же она была вообще. К внешности человека – красавца, уroda ли – привыкаешь одинаково – одинаково переставая внешность замечать. И потому, для сильного приближения к истине, надлежит вспомнить самое первое впечатление.

Я увидела рослую, статную девушку. Первое, что бросилось мне в глаза, была невероятная смелость, даже лихость её голубого взгляда. Густая, ровная грива природной блондинки была словно обрублена у самых плеч. У неё были правильные славянские черты лица – но не холодные, а жадно ловящие любую смешинку. Эта готовность расхохотаться была её природным ароматом, тоньше и пряней эксклюзивного парфюма. Казалось, сама нежная кожа её лица благоухала взрывной готовностью к веселью, к смеху...

У неё были свежие, почти детские розовые губы – и очень выразительные руки. Когда она говорила, то обязательно помогала себе всем сразу: глазами, бровями, губами, кистями рук.

Раиса была красива.

Раиса была сокрушительно, победоносно красива.

Из "объективных недостатков внешности" у неё были, пожалуй, несколько великоватые уши – *чтобы лучше Вас слышать*, господин ван дер Браак, – но эти уши она легко скрывала густыми своими волосами – того редчайшего цвета, который понимающие в этом толк галлы называли бы blanc-Limoges.

И: конечно же, у Раисы были большие ладони. Даже слишком большие. Как лопаты. Чтобы она могла хорошо работать. Чтобы она могла хорошо работать на Вас, господин ван дер Браак. Меня удивляет, что, обладая несметным количеством духовных талантов, Раиса большей частью работала всю свою недолгую жизнь именно руками.

Удивляет?

Она родилась в той части планеты, где тотально действует *презумпция виновности*. Само рождение на той территории является для индивида изначальным проявлением вины – перед государством, обществом, перед любым должностным лицом – и даже перед таким же *виновным*, как он сам. Появление на тьму ("светом" тьма может называться только в романе Оруэлла) – так вот: появление индивида на тьму в тех обойдённых благодатью угодьях, в тех конкретных условиях истории и географии, является *юридически достоверным фактом вины его, индивида, в*

совершении преступления – и таковым оно для индивида остаётся до конца его жизни (“...а разве это жизнь?”), если индивид не может доказать обратное.

Какое дать определение этому явлению? Я считаю правомочным написать: *российская презумпция виновности*. Для тамошнего человека она автоматически вступает в свои неограниченные права самым фактом его рождения. Она запускает раковые метастазы во все сопредельные земли.

Но, может, точнее назвать эту презумпцию виновности – азиатская? Трудно сказать. Ведь даже наука не ведаёт истинных источников той или иной заразы, а что уж говорить об источниках заразного мировоззрения. К примеру, как Вы, конечно, знаете, господин ван дер Браак, люэс, то бишь сифилис, немцы и русские называли “французской болезнью”, французы – “неаполитанским недугом”, греки – “сирийской заразой” – и таким образом это отфутболивание длилось бы до бесконечности (являясь неоспоримым проявлением горячей любви друг к другу соседей по небесному телу), пока на зачёте по микробиологии в одном из мединститутгов Северной Пальмиры (ну-ну!) наиболее полный, исчерпывающий ответ не дала наконец некая студентка из города Барановичи. Студентка изрекла: *Уси хворобы йдуть с западу*. Так была поставлена достойная точка в вековом споре исследователей.

А с *презумпцией виновности* и того сложнее. Если на невинную спирохету (а спирохета, вне похабных действий человека, и впрямь невинна) – так вот: если даже на невинную, бледную спирохету валится грязная тень жульнической человеческой идеологии, если даже бледная спирохета стенает и воет под прессом этнической любви-ненависти народов, то как уж тут и заикаться-то о понятиях, с одной стороны, глобальных, а, с другой, – и вовсе отвлечённых?

Да и так ли сейчас важно, от каких именно троглодитов зародилась на землях восточных славян *презумпция виновности*? Важно, что Рая, в полной мере, попала под разрушительную радиацию неуважения человека к человеку, которой на упомянутых землях атмосфера заражена тотально; важно и то, что неуважение к себе она считала скорее нормой (хотя могла громогласно декларировать обратное), – важно, что ощущение невытравимой третьесортности было у Раи в крови.

Хотя сейчас важнее всего то, что она покинула нас навсегда.

Впервые я встретила её в школе иностранных языков. Мы оказались с ней в одной группе. Там было ещё около двадцати студентов.

Раиса шла впереди всех с колоссальным отрывом. Мы все, с той или иной способностью к обучению (с очень даже высокой у некоторых), – всё равно оставались табунком жеребят, которые пытаются мчаться наперегонки с локомотивом. Зрелище трогательное, но малоинтересное – в силу предрешённости.

Её способности к языку я назову баснословными. Ещё в ту пору, до школы, когда у неё в запасе было несколько сот слов, *она говорила на нидерландском совершенно без акцента*. Если учесть, что нехитрые свои фразы она строила абсолютно правильно, то следует, смеха ради, заметить, что уже через два месяца после своего нахождения в стране (в это время она только-только переселилась из лагеря беженцев в достославную кирху), то есть ещё до каких бы то ни было занятий в школе, она говорила на нидерландском так – то есть с такой степенью чистоты, таким ясным пониманием самой его сути, – что голландцы принимали её за голландку. Чем она, разумеется, пользовалась (например: в разговорах по телефону с должностными лицами – похлопотать за какого-нибудь знакомого).

На уроках мы больше наблюдали за ней, чем за преподавателем. Это был непрерывный аттракцион. Заметим по ходу дела, что у неё не было типичного поведения отличницы. Её даже и отличницей-то нельзя было бы назвать. Она как-то выламывалась из бурсацкого убожества таких категорий. Она была просто гениальна. Выяснилось, что Рая не просто запоминает речь преподавателя –

слово в слово – но, одновременно (если ей делалось скучно), перемножает в уме пятизначные числа.

А скучно ей было на уроках всегда. Хотя она, конечно, это не демонстрировала. Представим себе гоночную машину, которую обязали ехать на городское кладбище (со скоростью десять километров в час). У такой машины запросто может сдохнуть мотор. Чтобы этого не случилось, Раиса играла сама с собой в разные игры.

Например, в анаграмму. Притом – на нидерландском. Притом – смысл игры состоял не только в составлении новых слов, – но и в *мгновенном*, при первом же взгляде на слово, угадывании количества таких слов (комбинаций). И даже не только в угадывании общего количества, но и в угадывании однородных групп. Например: трёхбуквенных слов должно получиться столько-то, четырёхбуквенных – столько-то, пятибуквенных – столько-то – и так далее.

Но и это не всё. Раиса, едва взглянув на слово, могла определить, *какой процент* будут составлять, скажем, трёхбуквенные слова по отношению к общему количеству новых слов.

И вот при всём при том смотреть на неё было страшно.
Почему?

Её целенаправленные усилия не были направлены в сторону языка как такового. Для неё это было несерьёзно.

Её целенаправленные усилия были направлены на успешную интеграцию.

То есть, в первую очередь, на соответствие своему жениху – что, по её понятиям, значило "трогательное женское" отставание в развитии, робкое поглядывание на жениха (а даст бог, и мужа) – да, вот так: снизу вверх, распахнутыми в восторге глазами, ноздрями, ртом.

Успешная интеграция включает в себя полнейшую обезличку. Она, собственно говоря, её и имеет в виду. Обезличка же обеспечивает адаптацию на работе – на любой работе – а значит, успех интеграции. Круг замыкается.

Рая понимала, что Вы, господин ван дер Браак, никогда не станете жить под одной крышей с женщиной "своей мечты". Вы слишком "романтичны", то есть, попросту говоря, капризны, чтобы совсем уж беспечно конвертировать соло-виное пение Ваших шкодливых променадов по паркам и рошицам в бульканье семейного супа.

Рая понимала, что жить Вы будете вот с какой женщиной: *самой для себя удобной*. А это уж никак не Наташа Ростова. Самая удобная для Вас женщина – как подсказывала Рае природная смекалка – должна была бы содержать в себе две части – и обе оптимальных: как "западная европейка" она обязана была быть полностью обезличена, аннигилирована до функции (чтобы быть принятой на работу, на любую работу), как "русская" она должна была быть сказочно неприхотлива, велика сердцем и работяща.

С "русской" стороной у Раи было всё в порядке. Ей необходимо было нарастить, в соответствие с эталоном, "европейскую сторону". И вот именно эта-то сторона наращивалась и усиленно шлифовалась Раей в школе языков. Рая быстро научилась *с безупречной интонацией и правильным выражением лица* говорить такие вещи: вчера погода, полагаю, была хуже, чем сегодня, но завтра, я слышала, будет лучше.

О, это огромное искусство – произносить такие фразы без содрогания!

Рая поймала на лету, что в процессе коммуникации с аборигенами негласно-легитимными являются только определённые темы. Если ты хочешь, чтобы на тебя смотрели нормальными, а не выпученными от ужаса глазами, надлежит поддер-

живать разговор исключительно о четырёх основных стихиях мира, которыми являются: 1. налоги; 2. автодорожные штрафы; 3. страховки; 4. котировки акций.

В этих вопросах Раисе не было равных. Ну, некий, скажем так, орнаментальный (фононый) разговор, конечно, имел право быть – и только приветствовался. Разговор, служащий ненапряжённым задником для магистральных бесед о налогах, автодорожных штрафах и сравнительных особенностях страховок, а также о котировках акций. На мой взгляд, чай довольно хороший. Я предпочитаю чай. Мой муж, наоборот, отдаёт предпочтение кофе. О, выпечка очень вкусна. Здесь действительно очень уютно. Вы великолепно выглядите. Превосходно! Восхитительно! Фантастично! Я приехала из Киева. Да, Киев – это очень красивый город. Вы бывали когда-нибудь в Киеве? У меня есть родители и две младших сестры. У моего мужа тоже есть две сестры. Меня зовут Рая. Очень приятно! Спасибо. Ничего страшного! О да, это вкусно! Я уже наелась. У меня уже полный живот, ха-ха-ха. Попробуйте, это вкусно. Да? Ну, иногда. Ну, как сказать... Это трудный вопрос... Скорее да. Это очень дорого! В прошлом году это было намного дешевле. В Польше, говорят, это дешевле всего. Я живу здесь уже пять лет. Да. Очень. Ну что вы! Нет, я не говорю по-японски. Язык Украины называется украинский. Язык Белоруссии называется белорусский. Вы так думаете? Да-да. Нет, Санкт-Петербург – это пока не Украина. Очень приятно. Да-да, там были колоссальные скидки. Нет, не пятнадцать, а даже тридцать пять процентов, представляете? Невероятно! Да, пожалуй, спасибо. С сахаром и с молоком. Это для мужа. А мне, пожалуйста, без сахара. Да, ха-ха-ха... А вы? О да. Летом мы были в Испании. Я люблю море. Мой муж тоже любит море. А ваш муж любит море? Море, я полагаю, полезно для детей. В Испании всегда солнце. Там всегда хорошая погода. Там прекрасный климат в горах. И очень дешёвый кофе. Но, увы, не очень вкусный, ха-ха-ха... Мой муж неоднократно жаловался. Во Франции кофе лучше. Да, марки те же, но во Франции, по мнению моего мужа, они умеют его приготавливать... Да? Что вы! Мой муж потребляет очень много кофе. Нет-нет, мне нельзя... Я не хочу набирать вес, ха-ха-ха... Ах, завтра снова на работу... Нет, совсем не хочу... ха-ха-ха... А что делать? Надо! Прекрасный вечер. Увы... До следующей встречи. Чмок-чмок-чмок... И вам того же! Чмок-чмок-чмок... И вам того же! Чмок-чмок-чмок... И вам того же! Чмок-чмок-чмок... Чмок-чмок-чмок... Чмок-чмок-чмок...

Да: весь могучий запас душевных и физических сил Раи был целенаправленно брошен на то, чтоб сделать себя никем.

Закончить школу языков – чтобы стать, наконец, никем.

Нет, раньше. Ещё с той самой кирхи – стать никем.

Ещё раньше: с лагеря для беженцев в Нидерландах.

Нет, раньше: с лагеря для беженцев в Великой Британии.

А по-настоящему у неё это стало получаться с того самого момента, как она встретила Вас, господин ван дер Браак.

Кем ты хочешь стать, девочка? – Я закончу курсы бухгалтеров! (Не отвечать: космонавтом, актрисой, художником.) – Отлично. – Кассиров! – Превосходно. – Продащиц! – Прекрасно. Зачёт. – Парикмахерш! – Волшебно. – Железнодорожных контролёров!! (А в душе: Никем. Никем. Никем. Никем. Никем.)

Рая была очень умна.

Она мгновенно уловила наиважнейшую формулу адаптации.

И оказалась в её претворении предельно успешной!

Но почему же тогда она прожила так катастрофически мало?

Прощайте.

Браки свершаются на небесах».

Maassluis, 2007